

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЬ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставки и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. ЖЕЛЪ продаются по 20 к.
Объявл.—30 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

и Искусство

1901 г. V годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 4 Ноября.

СОДЕРЖАНІЕ: Принципіальный вопросъ.—Замѣтки.—«Три сестры» А. П. Чехова. С. Сутушина (продолженіе).—Головое собраніе Т. О. В. Л—го.—И. В. Шпажинскій. М. В. Карнычева.—Хроника театра и искусства.—Московскія письма. П. Ярцева.—Музыкальныя замѣтки. И. К—скаго.—Воспоминаніе, стих. С. Найденова.—Письмо, раз. Н—ова.—Харьковскія письма І. Таоридова.—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

№ 45.

Рисунки: «Взрывъ шахты» рис. С. Пачова,—«Ея сокровище», «Перекаты», рис. М. Любинова.—Къ юбилею И. В. Шпажинскаго 9 портретовъ.—Г-жа Шабельская въ роли Тото.

Ноты: 1) Гимнъ Венеры изъ оп. С.-Санса «Варвары». 2) «А счастья нѣтъ» романсъ Э. Длусскаго.

Открыта подписка на 1902 г.

НА ЖУРНАЛЬ

„Театръ и Искусство“

ГОДЪ (съ 1 января) 7 РУБ.

ПОЛГОДА 4 РУБ.

Разсрочка: при подпискѣ—3 руб.; 1 апрѣля—2 руб.;
1 юля—2 руб.

Подписка въ разсрочку принимается **исключительно** въ
главной конторѣ журнала, Моховая, 45.

С.-Петербургъ, 4 ноябрь 1901 г.

Old gentleman напечаталъ въ «Россіи» статью по поводу появившейся впервые у насъ замѣтки о намѣреніи Русскаго Театральнаго Общества устроить «вечеръ оперетокъ», съ благотворительною цѣлью и съ участіемъ извѣстныхъ оперныхъ и драматическихъ артистовъ.

Г. Old gentleman находитъ со стороны Театральнаго Общества непослѣдовательнымъ отвергать оперетку и ея служителей съ точки зрѣнія «сценическихъ дѣятелей» и въ то же время пользоваться ея услугами для благотворительныхъ цѣлей. Здѣсь есть двѣ неточности: первая заключается въ томъ, что «вечеръ оперетокъ» есть, въ сущности, вечеръ курьезовъ, потому что оперетки будутъ исполняться не опереточными, а оперными и драматическими артистами, а вторую неточность—заступимся за Театраль-

ное Общество—можно усмотрѣть въ томъ, что опереточные дѣятели никогда не отвергались ни Совѣтомъ Общества, ни его учрежденіями, совершающими опереточные контракты, на ряду съ прочими.

Несмотря, однако, на неточности, допущенныя г. Old gentleman'омъ, общая мысль его совершенно вѣрна.

Въ отношеніяхъ къ опереткѣ и въ сношеніяхъ съ опереткою чувствуется какая-то внутренняя неловкость: не то театръ, не то зрѣлище, не то искусство, не то декольтэ. Но это вина не оперетки, какъ жанра, а оперетки, въ ея подчасъ грубыхъ и пошлыхъ формахъ и въ лицѣ ея нерѣдко совершенно необразованныхъ и невѣжественныхъ служителей. Безъ всякаго сомнѣнія, опереточное поприще—скользкое, и удержаться на немъ гораздо труднѣе, чѣмъ въ оперѣ или драмѣ. Но отвергать изъ-за этого жанръ, объявляя его «внѣ законовъ» искусства, было бы лицемѣріемъ, съ одной стороны, и насиліемъ—съ другой.

Оперетка такой же полноправный членъ театра, какъ и всякій другой. Le verre n'est pas grand—это правда. Но и въ литературѣ есть фельетонъ; въ живописи—есть карикатура; въ драмѣ есть водевиль и фарсъ. И какъ нельзя исключить водевилистовъ, фельетонистовъ и карикатуристовъ изъ общества литераторовъ, художниковъ и драматурговъ, такъ точно невозможно это по отношенію къ опереточнымъ артистамъ. Нерѣдко для этого «petit verre» нужно больше дарованія, нежели для серьезныхъ жанровъ, да пожалуй, и образованія не меньше.

Ну, а тѣ жанры, которые стоятъ, такъ сказать, еще ниже оперетки, развѣ можно исключить «принципіально» изъ области театра? Если Жюдикъ поетъ шансонетки, становится ли она, вслѣдствіе этого, менѣе артисткою? А куплетистъ съ открытой сцены почему меньше актеръ, нежели его товарищъ, игра-

ющій на этой же открытой сценѣ водевили и легкія комедіи. Жанръ не можетъ унижить дарованіе и достоинство человѣка. Случается очень часто такъ, что одни своимъ прикосновеніемъ унижаютъ самый высокій жанръ, а другіе возвышаютъ самый низкій. Мѣриломъ можетъ служить только «артистичность», а никакъ не особенность жанра.

Но тогда—возражаютъ намъ—придется зачислить въ ряды «сценическихъ дѣятелей» всю орду лицедѣевъ открытыхъ сценъ, кафе-штановъ и т. п. Да, придется, потому что нѣтъ логическаго, разумнаго основанія ихъ не включать; потому что выдѣленіе козлищъ отъ овецъ можетъ произойти не при помощи грубыхъ раздѣленій сценическаго искусства на жанры, но лишь путемъ индивидуальной оцѣнки каждаго исполнителя, т. е. путемъ установленія «ценза»; потому что было бы вопіющей несправедливостью считать членомъ артистической семьи какую нибудь дѣвицу изъ буфетной стойки, принимающую участіе въ драматическихъ спектакляхъ, и не считать таковымъ опереточную пѣвицу, которая, во всякомъ случаѣ, должна была чему нибудь учиться, прежде чѣмъ ступить на подмостки, ну хотя бы умѣнно разбираться ноты.

Презрѣніе къ жанрамъ такъ же грубо и несправедливо, какъ обобщеніе, напримѣръ, національныхъ симпатій или антипатій. Можно относиться къ культурному или расовому типу народности такъ или иначе, но каждое лицо какой либо народности слѣдуетъ цѣнить въ мѣру его личныхъ достоинствъ или недостатковъ. Можно питать снисходительное или высокоумѣренное взгляды по отношенію къ опереткѣ, но нельзя лишать ея служителей законныхъ правъ на защиту и товарищескую солидарность, совершенно такъ-же, какъ признавая драму высшимъ родомъ сценическаго искусства, можно искренно презирать отдѣльныхъ ея работниковъ и не давать имъ никакихъ удостовѣреній ихъ артистичности.

И отъ услугъ оперетки нѣтъ смысла отказываться, потому что въ опереткѣ бываетъ много таланта, воодушевленія, веселости, которая такъ нужна жизни. Было бы лицемѣріемъ исключать изъ искусства область комическаго и даже карикатурно-комическаго. Это—также нужно человѣчеству. Искусство двулико, и состоитъ изъ плача и смѣха. И думается, что если мало почтеннаго въ фальшивыхъ слезахъ и неискренней чувствительности, то много важнаго и радостнаго въ заразительномъ, искреннемъ смѣхѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что воспитательный характеръ, присущій высшимъ родамъ сценическаго искусства, чуждъ опереткѣ, и что сначала необходимо удовлетворить серьезныя потребности, а затѣмъ только—давать развлеченія. Мы и не пытаемся мѣнять классификацію театральныхъ жанровъ. Мы только противъ произвольнаго исключенія оперетки изъ области сценическаго искусства. Это и неумѣрно, и несправедливо.

По поводу нашихъ статей объ участіи артистовъ Императорскихъ сценъ въ клубныхъ спектакляхъ мы получили нѣсколько писемъ, освѣщающихъ вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Наиболѣе любопытно одно изъ нихъ, устанавливающее довольно оригинальную точку зрѣнія. Авторъ этого письма находитъ, что не только не слѣдуетъ воспрепятствовать участію въ частныхъ спектакляхъ артистовъ Императорскихъ сценъ, но слѣдуетъ, наоборотъ, это всячески поощрять, такъ какъ «такимъ путемъ, молодые артисты приобрѣтаютъ репертуаръ, и намъ извѣстенъ случай, когда спектакль, назначенный,

по болѣзни исполнителя, къ отмѣнѣ, состоялся только потому, что нашелся другой исполнитель, игравшій эту роль раньше въ клубѣ и экспромтомъ замѣнившій заболѣвшаго». Новое средство—приготовлять дублеровъ...

Повторяемъ, дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Быть можетъ, неисчислимы выгоды дирекціи—это ея дѣло. Мы говоримъ, главнымъ образомъ, о томъ, что если актерамъ Императорскихъ театровъ разрѣшается играть, то это разрѣшеніе должно быть оффиціальное, а не полу-оффиціальное, и не подъ звѣздочками, а подъ настоящими фамиліями. Вотъ тогда мы увидимъ, насколько такая мѣра удобна для дирекціи.

Въ другомъ письмѣ говорится, между прочимъ: «кто знаетъ положеніе театральнаго дѣла въ Петербургѣ, тотъ можетъ съ увѣренностью сказать, что провинціальный актеръ не можетъ существовать въ Петербургѣ». Вотъ какое положеніе! Ну, что-жъ, тогда и хлопотать не стоитъ о провинціальномъ актерѣ, обреченномъ уже съ самаго начала,—похоронить его безъ почести и славы, и дѣлу конецъ!

Какъ намъ сообщаютъ, М. Г. Савина предстоящимъ Великимъ постомъ ѣдетъ съ труппой въ Вѣну на гастроли. Вопросъ можно считать вполне улаженнымъ.

Предполагается въ непродолжительномъ времени созывъ чрезвычайнаго Общаго Собранія Театральнаго Общества для новаго разсмотрѣнія вопроса о спеціальныхъ капиталахъ. Постановленія послѣдняго общаго собранія оказываются стѣснительными для Свѣта Общества.

Опубликованъ (№ 241 „Прав. Вѣст.“) новый списокъ разрѣшенныхъ пьесъ—такъ называемыхъ „съ исключеніями“. Онъ необыкновенно длинный—91 пьеса. Укажемъ на болѣе выдающіяся: „Алчущіе и жаждущіе“, комедія въ 4 д. С. И. Смирновой, „Безъ солнца“ П. П. Вейнберга, „Дѣти Ванюшина“ С. А. Пайденнова, „Ночь въ купѣ“, фарсъ Владимірова (псевдонимъ), „Около жизни“, драма въ 4 д. Вл. И. Немировича-Данченко, „Святое искусство“, сцены въ 4 д. Лоло и Никольскаго, „Сила любви“, сказка въ 3 д. Живко-Конева и Егоровой, „Предки“ (Крѣпостная родословная), драма въ 5 д. Лесли, „Царь Дмитрій Ивановичъ“ (Самозванецъ), драма въ 5 д. и 7 картинахъ А. С. Суворина. Любопытно, что сразу подъ №№ 89, 90 и 91 значатся три передѣлки „Фомы Гордѣева“ Горькаго.

Отъ редакціи.

Редакція, приступая къ VI выпуску „Словаря сценическихъ дѣятелей“, проситъ гг. сценическихъ дѣятелей, фамиліи коихъ начинаются съ буквъ Е, Ж, З и И, поспѣшить высылкой портретовъ и біографическихъ данныхъ.

За перемѣну адреса иногородняго на иногородній платится 25 к., городского на иногородній и обратно 60 к.

При заявленіяхъ о взносахъ и перемѣнахъ адресовъ просятъ обозначать № бандероли.

Къ 25-лѣтїю литературной дѣятельности И. В. Шпажинскаго.

М. М. Петина въ роли княжича („Чародѣйка“).

М. И. Писаревъ—Корягинъ („Маюрша“).

М. Битнеръ (чешская актриса) въ роли Фени („Маюрша“).

„Три сестры“ А. П. Чехова.

(Продолженіе *).

Порести сестеръ—не лживыя. Когда Ирина въ тяжелую ночь пожара, послѣ ужаснаго монолога Андрея и стуковъ въ полъ пьянаго, безумнаго, жестокаго Чебутыкина—рѣшается выйти за нелюбимаго барона: „милая, дорогая, я уважаю, я цѣню барона, онъ прекрасный человекъ, я выйду за него, согласна, только поѣдемъ въ Москву! Умоляю тебя, поѣдемъ! Лучше Москвы ничего нѣтъ на свѣтѣ! Поѣдемъ, Оля, поѣдемъ!“ Или когда Ольга жалуется: „я постарѣла, похудѣла сильно, оттого, должно быть, что сержусь въ гимназїи на дѣвочекъ. Вотъ сегодня я свободна, я дома, и у меня не болитъ голова, я чувствую себя моложе, чѣмъ вчера. Мнѣ двадцать восемь лѣтъ, только... Все хорошо, все отъ Бога, но мнѣ кажется, если-бы я вышла замужъ, и цѣлый день сидѣла дома, то это было-бы лучше. (Пауза). Я бы любила мужа“ — то дѣлается грустно за нихъ. Но... отчего въ этой пьесѣ все такъ выходитъ наоборотъ? Отчего Ольга, которая имѣетъ такъ много шансовъ быть счастливой замужемъ — не выходитъ замужъ, а Ирина, мечтавшая выйти по любви — должна рѣшиться выйти безъ нея? Мало того: когда она съ этимъ рѣшеніемъ примиряется, и рождаются у нея надежды на счастье, жениха моментально убиваютъ? Почему

Мама такъ несчастна оттого, „что ея мужъ болѣе добръ, чѣмъ уменъ“, будучи сама, по словамъ сестры, „самой глупой въ нашей семьѣ?“ Почему—что-бы съ ними ни случилось, даже то, что Ольгу назначили начальницей—является для нихъ несчастьемъ? Старое выраженіе—смотреть на жизнь черезъ темные очки. Можетъ быть его надо замѣнить новымъ — воспринимать жизнь черезъ мрачное настроеніе или относиться къ жизни бокомъ, спиной, или что другое... Во

всякомъ случаѣ не столько въ обстоятельствахъ жизни и не въ характерахъ — очень милыхъ характерахъ—бѣда сестеръ. И потому временами кажется, не распорядись Чеховъ такъ ненужно жестоко женихомъ Ирины, все бы обстояло благополучно. Но это не въ намѣренїяхъ автора. И чтобы мы такъ не думали—сестрамъ дается съ самаго начала глубокой и нарочно мрачный тонъ.

Безъ всякаго сомнѣнїя, Чеховъ обнаружилъ огромное искусство въ изображенїи сестеръ. Дочери интеллигентнаго генерала—онѣ добры, любезны, просты и деликатны; отъ нихъ вѣетъ культурнымъ изяществомъ.

Мама. „Меня волнуетъ, оскорбляетъ грубость, я страдаю, когда вижу, что человекъ недостаточно тонокъ, недостаточно мягокъ, любезенъ. Когда мнѣ случается быть среди учителей—товарищей мужа, то я просто страдаю“.

Въ другомъ мѣстѣ:

Къ 25-лѣтїю литературной дѣятельности И. В. Шпажинскаго.

Н. А. Борисевскій—Нодыхляевъ („Кручина“).

В. О. Комисаржевская—Повѣтова („Двѣ судьбы“).

Н. А. Никулпина—Грушенька („Княгиня Курагина“).

* См. № 44.

Ольга... „Не могу... Это мнѣ не по силамъ... (пьетъ воду,—Наташѣ). Ты сейчасъ такъ грубо обошлась съ няней... Прости, я не въ состояніи переносить... въ глазахъ потемнѣло“... Отношенія сестеръ другъ къ другу, къ брату—трогательны, мягки, полны тепла, сердечнаго пониманія, доброты, душевнаго изыщества. Настроеніе... вотъ слово, которое износилось, какъ мѣдный пятакъ, а жаль! хорошее слово!—настроеніе же сестеръ на мрачной подкладкѣ—у всѣхъ на одинаково мрачной, хотя, обладая разными характерами и при разныхъ жизненныхъ условіяхъ, должны бы онѣ имѣть и разное настроеніе. И вотъ тутъ, думается, начинается фальшь. Зрителю кажется, что Чеховъ прислушивался не къ дѣйствительному настроенію трехъ сестеръ, но одарилъ ихъ или собственнымъ своимъ настроеніемъ, или тѣмъ, которое ему для надуманныхъ имъ цѣлей понадобилось. Даже манера говорить въ нужные ему моменты у нихъ (правда, почти у всѣхъ героевъ чеховскихъ пьесъ) та же самая. Манера—характеризировать себя самого, подводить итогъ всей жизни и дѣлать изъ него заключеніе въ минорномъ, надорванномъ, уставшемъ тонѣ. Точно слышишь всю ту же мелодію, сложенную въ ненастный день истосковавшейся одинокой душой. И почему-то,—слыша эту мелодію,—мнѣ всегда кажется, что сложилась она у Чехова въ сумеркахъ въ Москвѣ, какъ-нибудь на той самой дорогѣ, по которой хаживалъ Вершининъ. „Съ Нѣмецкой улицы я хаживалъ въ Красныя казармы. Тамъ по пути угрюмость, подъ мостомъ вода шумитъ. Одиному становится грустно на душѣ... (Пауза)“.

Позвольте привести отрывокъ изъ одной неоконченной моей статьи.

„Грусть и тоска, когда-то бывшія слѣдствіемъ несчастій, сердечныхъ утратъ или горестей—теперь культивированы и какъ кефирные грибки, стали сами себя производить, причемъ ихъ развелось множество сортовъ и видовъ, и сдѣлалось особенной спеціальностью быть тонкимъ знатокомъ возможно большаго количества ихъ разновидностей“.

Ирина. „У насъ трехъ сестеръ, жизнь не была еще прекрасной, она заглушала насъ, какъ сорная трава“. „Жизнь заглушала, какъ сорная трава“—въ переводѣ на прежній языкъ — значитъ — „среда заѣла“. Добролюбовъ такъ много и такъ зло смѣялся надъ душевной дряблостью и лѣнностью, создавшими эту знаменитую формулу, что стало какъ будто стыдно произносить ее. Но если позволить себѣ вариантъ, замѣнить слово „среда“, словомъ „жизнь“, а „заѣла“—„заглушала какъ сорная трава“—тогда можно, и даже сойдеть за оригинальность. Въ другомъ мѣстѣ Тузенбахъ выражается такъ:

Тузенбахъ. Страданія, которыя наблюдаются теперь,—ихъ такъ много!—говорятъ все-таки объ извѣстномъ нравственномъ подъемѣ, котораго уже достигло общество.

Въ этой фразѣ собраны какъ бы нарочно воедино нити многихъ характерныхъ современныхъ недомѣній и кривотолковъ.

Во первыхъ—„страданія, которыя наблюдаются теперь“. Что это за особенныя, спеціальныя страданія „наблюдаются теперь?“ Что нѣкоторыя страданія называются теперь иначе—это такъ; примѣръ этому мы видѣли только что на „жизни, заглушающей какъ сорная трава“. Во вторыхъ, оказывается, что этихъ страданій—новыхъ, очевидно, очень много и что страданія эти свидѣлствуютъ объ „извѣстномъ нравственномъ подъемѣ, котораго достигло общество“... Чувствуется, что подъ другими словами и тутъ прятается что-то давно, давно знакомое,—почти забытое. Печоринимъ всегда мерещилось, что ихъ неопредѣленныя

страданія свидѣлствуютъ о романтичности ихъ души.

Вспомнивъ Печорина, мы почти поймемъ, о какихъ этихъ страданіяхъ говоритъ Чеховъ. Страданія тѣхъ, которые выше толпы? Но развѣ—„ихъ такъ много“? А если ихъ много, то вѣдь это еще лучше—они могутъ подать другъ другу руки и образовать свою „толпу“. Страданія—неразрывныя съ нравственнымъ подъемомъ? Почему неразрывныя? Потому, что одиноко будешь стоять выше толпы или по чему-либо другому? Отъ усталости-ли, сопряженной съ подъемомъ? Или отъ того, что намъ тамъ, на нравственной высотѣ—холодно и неуютно? Холодно и неуютно—съ непривычки, или потому, что намъ тамъ не мѣсто и попали мы туда случайно,—просто лукавый попуталь? Какая тьма вопросовъ!

Когда я вижу рядомъ поставленныя слова въ родѣ „страданія“ и „нравственный подъемъ“—то мнѣ кажется, что предо мной тотъ уклонъ, тотъ уголъ, то мѣсто, гдѣ сдѣлалась складка (pli), послѣ чего, по французскому выраженію, такъ трудно бываетъ разгладить.

У „разныхъ“ Драперовъ и Боклей мы всѣ читали, что нравственность, мораль—какъ показывается уже сама этимологія этихъ словъ отъ „нрава“ и латинскаго mos (нравъ)—первоначально означала жизнь, поведеніе сообразно правамъ того общества, среди котораго живешь. Такимъ образомъ, каннибаль, отказывающійся отъ людоедства—человѣкъ не нравственный, или безнравственный. Пожалуй, и чиновникъ, который не бралъ-бы взятокъ въ дореформенное время въ Россіи, или въ недавнее время „дрейфусаръ“ во Франціи былъ человѣкъ не нравственный. И далѣе, каннибаль, поѣдающій не стариковъ, а своихъ дѣтей, былъ-бы безнравственнымъ; чиновникъ, бравшій взятки, но дѣла не дѣлавшій, „мараешь чиновничество“ по выраженію Юсова и т. д. Нравственность, это—не выше и не ниже среды. Чтобы быть нравственнымъ, человѣкъ долженъ вращаться среди людей одинаковыхъ съ нимъ понятій, или держать нравовъ того общества, среди котораго живешь, ежели это возможно.—Возьмемъ яркій примѣръ. Если-бы кто нибудь былъ заброшенъ судьбой въ среду папуасовъ—ему, конечно, тамъ было-бы не очень сладко. Но надо помнить, что это несчастье, неудобство, страданіе, болѣзнь—все, что угодно, но было-бы странно, если-бы судьбой закинутый страдалецъ сталъ-бы жаловаться на общественную психологію гг. папуасовъ.

Дѣло просто: надо уйти отъ нихъ. Могутъ возразить: да, но когда свои—папуасы? когда всѣ—папуасы? Но Чеховъ говоритъ: „ихъ, страдающихъ, т. е. находящихся на высокому нравственномъ уровнѣ, много“. Ну, и ступайте къ нимъ, тѣмъ болѣе, что и папуасы вовсе не просятъ васъ остаться среди нихъ, и потому часто, дѣйствительно—единственное и простое средство—уйти. И только. И больше ничего. „Будьте счастливы съ другою, а со мной вамъ счастья нѣтъ“—такъ поетъ казачка въ старинномъ романсѣ.

Тонъ, въ которомъ я говорю о страданіяхъ героевъ „Трехъ сестеръ“, быть можетъ, покажется коекому шокирующимъ. Но я долженъ сказать, что есть много страданій, на видѣ трагическихъ, причина которыхъ неожиданно оказывается совсѣмъ пустой и ужъ во всякомъ случаѣ лишеной трагизма. Настоящій же жизненный трагизмъ, „бѣда“—штука слишкомъ серьезная. Пустымъ о ней болтаньемъ—какъ бы ее не наклевать.

Вопросъ о томъ, почему нравственный подъемъ сопряженъ со страданьемъ, проходитъ красной нитью по всѣмъ пьесамъ Чехова—„Ивановъ“, „Дядѣ

Къ 25-лѣтію Литер. дѣят. И. В. Шпажинскаго.

М. Г. Савина въ «Чародѣйкѣ».

Ванѣ“, „Чайкѣ“ и „Тремъ сестрамъ“. Вопросъ, дѣйствительно, серьезный. Трудно, пожалуй, найти болѣе серьезный вопросъ. Въ „Ивановѣ“ дается на него прямой отвѣтъ: „...всю жизнь строите по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше. Голубчикъ, не воюйте вы въ одиночку съ тысячами, не сражайтесь съ мельницами, не бейтесь лбомъ о стѣны... Да храните васъ Богъ отъ всевозможныхъ раціональныхъ хозяйствъ, необыкновенныхъ школъ горячихъ рѣчей... Заприте себѣ въ свою раковину и дѣлайте свое маленькое, Богомъ данное дѣло... (1-е дѣйствіе) „У меня былъ рабочій Семень, котораго ты помнишь. Разъ, во время молотбы, онъ захотѣлъ похвастать передъ дѣвками своей силой, взвалилъ себѣ на спину два мѣшка ржи и надорвался. Умеръ скоро. Мнѣ кажется, что я тоже надорвался. *Впрывалъ я не такъ какъ въ, женился не такъ какъ въ, горячился, рисковалъ, деньги свои, самъ знаешь, бросалъ направо и налево, былъ счастливъ и страдалъ, какъ никто во всемъ уѣздѣ. Все это, Паша, мои мѣшки... Взвалилъ себѣ на спину ношу, а спина-то и треснула* (3-е дѣйствіе)“.

Первая половина этого совѣта имѣетъ характеръ не достаточно искренній—не можетъ Ивановъ на самомъ дѣлѣ уважать шаблонъ. Если-же онъ его совѣтуетъ, то этому слѣдуетъ придавать значеніе не большее, чѣмъ проклятіямъ истиннаго художника своему искусству, вызваннымъ временными огорченіями. Гораздо существеннѣе второе: не взваливать себѣ на спину непосильной ноши; отъ этого, дѣйствительно, можетъ „треснуть спина“ и въ лучшемъ случаѣ наступить утомленіе, на которое такъ жаляется Ивановъ. Въ „Ивановѣ“, такимъ образомъ, на вопросъ, отчего нравственный подъемъ сопровождается страданіемъ, дается прямой и простой отвѣтъ: Страданіе происходитъ отъ слишкомъ скорого темпа, быстроты подъема—которыя опасны и утомительны.

Въ „Чайкѣ“ дѣло обстоитъ не такъ просто. Да и сама „Чайка“ сложнѣе и глубже захватываетъ жизнь, чѣмъ „Ивановъ“ Въ „Чайкѣ“ „Sturm und Drang-Periode“—переживаютъ Треплевъ и Нина. Къ тихой пристани пристали Тригоринъ и Аркадина. Нравственный подъемъ, олицетворяющійся

для Иванова въ „раціональныхъ хозяйствахъ, необыкновенныхъ школахъ, горячихъ рѣчахъ“,—для людей „Чайки“ заключается въ славу, извѣстности, искусствѣ—у Нины и Аркадиной—театральномъ, у Треплева и Тригорина—литературномъ. На землѣ такъ устроено, что мечты не сходятся съ дѣйствительностью. Это значитъ, что жизнь имѣетъ свои собственные законы—очень сложные и разнообразныя, а не такіе, которые намъ-бы хотѣлось, чтобы она имѣла и потому то, что мы въ мечтахъ—по сочиненнымъ нами законамъ вообразимъ—осуждено роковымъ образомъ на неосуществленіе въ дѣйствительности. И вотъ почему, чтобы добиться въ жизни удовлетворенія—не осуществленія своихъ мечтаній, а удовлетворенія—надо жить не такъ, какъ хочется, а какъ жизнь велитъ, и обыкновенно жизнь „велитъ“ жить гораздо занимательнѣе, чѣмъ это можетъ придумать самое пылкое воображеніе. Надобно только къ ней внимательнѣе прислушиваться и ей довериться.

Если мы для героевъ „Чайки“ вмѣсто „нравственной подъема“ подставимъ „искусство“, и рассмотримъ, почему оно несло имъ страданіе, то мы увидимъ, что причиняло оно ихъ только тѣмъ и только по стольку, по скольку не удовлетворяли его требованія: относиться къ нему жизненно, доверчиво, непосредственно.

С. Сутугинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Годовое Общее Собраніе членовъ Театральнаго Общества.

Какъ извѣстно, по проекту новаго устава Т. О., уже окончательно выработанному и представленному на утвержденіе подлежащихъ вѣдомствъ, годовыя общія собранія членовъ общества будутъ происходить въ Москвѣ. Такимъ образомъ, настоящее собраніе можно считать, если не послѣднимъ, то во всякомъ случаѣ однимъ изъ послѣднихъ. Быть можетъ, Собраніе это своего

Къ 25-лѣтію Литер. дѣят. И. В. Шпажинскаго.

М. Г. Савина въ роли Эени («Маіорша»).

рода лебединая пѣсня петербургскихъ членовъ, которые *создали* самое общество и способствовали его процвѣтанію. Быть можетъ, это послѣднее „прости“ всему свободному, что было въ этомъ учрежденіи.

Казалось бы поэтому, что это собраніе должно было быть многочисленнымъ. Но, увы, на собраніе, назначенное на 27-е октября, явилось только около 60 членовъ.

По обычаю, собраніе открылось избраніемъ председателя и секретаря. Выбраны: И. М. Литвиновъ и Н. О. Арбеинъ. Затѣмъ приступили къ чтенію Отчета Общества за 1900 г., но такъ какъ отчетъ этотъ былъ пѣскольку недѣль назадъ разосланъ членамъ, то рѣшено было поэтому съ самаго начала перейти къ докладу ревизіонной комисіи.

В. П. Далматовъ сказалъ передъ этимъ нѣсколько словъ по поводу специальныхъ капиталовъ, т. е. капиталовъ имени Горбунова, Пушкина, Роцина-Исарова и др. Эти капиталы столь незначительны, что, по вычурному выраженію ревизіонной комисіи, „желательно изыскать источники живой воды“ для ихъ „оживленія“. В. П. Далматовъ рѣшаетъ вопросъ необыкновенно просто: по его мнѣнію, эти капиталы необходимо объединить и образовать стипендію одного какого-либо имени. А. Е. Молчановъ на это возражалъ, что еще слишкомъ мало прошло времени, чтобы судить, до какихъ размѣровъ разрастутся эти капиталы. Напр., въ неприкосновенный капиталъ имени Н. И. Новикова поступило до 1 января 1900 г. всего 507 р., а за отчетный годъ этотъ капиталъ сразу увеличился на 1653 р. 63 к., т. е. обратился въ 2160 р. 63 к. „Соединить капиталы воедино, закончилъ А. Е., это значитъ предупредить и приостановить дальнѣйшія поступленія“.

Предложеніе ревизіонной комисіи объ измѣненіи на будущее время, для ревизіи Бюро Общества въ Москвѣ, порядка выбора въ члены ревизіонной комисіи, было принято безъ преній. Рѣшено на будущее время выбирать: 3 членовъ комисіи и 3 кандидатовъ къ нимъ изъ числа членовъ, проживающихъ въ Петербургѣ, и 2 членовъ и 2 кандидатовъ къ нимъ изъ числа членовъ, проживающихъ въ Москвѣ. Точно также приняты безъ преній предложенія Совѣта: 1) объ ежегодномъ отчисленіи изъ текущихъ средствъ Общества въ текущія средства Убѣжища на содержаніе 6 именныхъ стипендій: М. С. Щепкина, А. Е. Мартынова, И. И. Сосникова, Ю. Н. Ливской, графа И. И. Воронцова-Дашкова и Н. М. Медвѣдовой; 2) объ учрежденіи въ Убѣжищѣ стипендіи имени О. Г. Волкова.

Затѣмъ приступили къ избранію 1 члена Совѣта и 4 кандидатовъ въ члены Совѣта, взаимно выбывающихъ. А. Р. Кугель, имя котораго значилось въ рекомендованномъ спискѣ, попросилъ не баллотировать его. Большинство 37 изъ 67 въ члены Совѣта былъ избранъ цензоръ драматическихъ сочиненій П. П. Исаевичъ. Затѣмъ 36 голосовъ получилъ г. Черновъ и 35 — г. Вилибинъ, которые и были зачислены въ кандидаты къ членамъ Совѣта. Послѣ нѣсколькихъ перебаллотировокъ двумя другими кандидатами были избраны: Е. П. Карповъ и К. В. Вравичъ.

Предстояло еще выбрать ревизіонную комисію. Но тутъ случился совсѣмъ неожиданный „репримандъ“. Поднялся артистъ „Новаго театра“ г. Людомировъ и во всеуслышанье заявилъ:

— Объявляю, что считаю настоящіе выборы незаконными.

— Какъ? Почему? посыпались вопросы.

— А потому, что, во-первыхъ, нѣкоторые лица подавали по нѣскольку записокъ, а, во-вторыхъ, лицо, раздававшее записки, убѣдительно просило всѣхъ и каждого писать такихъ-то и такихъ-то лицъ...

— Но позвольте, заявляетъ Я. А. Плющикъ-Плющевскій, вы не имѣете права бросать оскорбленіе цѣлому собранію. Я увѣренъ, что между нами не найдется никого, кто бы рѣшился на подобное нарушеніе устава.

— Я съ своей стороны утверждаю, заявляетъ сосѣдъ г. Людомирова, что были лица, которые подавали по нѣсколько записокъ.

— Назовите!.. Назовите! раздаются голоса.

— Я считаю это не совсѣмъ удобнымъ...

Опять вступаетъ г. Людомировъ, заварившій всю эту кашу.

— Господа, я обладаю настолько гражданскимъ мужествомъ, чтобы сказать, кто это сдѣлалъ: это — я...

Неожиданное заявленіе покрывается хохотомъ большинства присутствующихъ. Большинство, но не всѣхъ: нѣкоторые считаютъ это заявленіе за новое издѣвательство надъ Собраніемъ — и требуютъ „репрессивныхъ“ мѣръ.

Въ концѣ концовъ г. Людомировъ извиняется передъ Собраніемъ, хотя и заявляетъ, что „кругомъ дѣлали то же“.

Приступаютъ къ баллотировкѣ въ члены ревизіонной комисіи. Въ члены ревизіонной комисіи для Петербурга избраны: А. Р. Кугель (42 голоса изъ 57), Я. С. Тинскій (34 гол.) и Н. П. Волковъ-Семеновъ (33 гол.), для

Москвы: Гаринъ-Виндингъ и К. Н. Станиславскій. Послѣ утомительной перебаллотировки избираютъ и кандидатовъ: для Петербурга: Ю. Озаровскій, С. В. Брагинъ и В. В. Протопоповъ, для Москвы: Н. И. Музиль и Н. Н. Сивельниковъ.

Выборы, наконецъ, окончены. Но Собраніе утомлено, да ужъ и поздно. Предсѣдатель поэтому предлагаетъ отложить обсужденіе остальныхъ вопросовъ на 29-е октября.

Засѣданіе 29 октября открылось предложеніемъ А. Е. Молчанова избрать въ почетные члены начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати князя Н. В. Шаховского, благодаря просвѣщенному вниманію котораго многія ходатайства Совѣта Театральнаго Общества получили желательное разрѣшеніе. Собраніе выбрало князя Н. В. Шаховского единогласно. Единогласно же былъ избранъ въ почетные члены и г. Гаринъ-Виндингъ. Точно также единогласно было принято предложеніе Совѣта, по поводу 50-лѣтняго литературной дѣятельности бывшаго Предсѣдателя Совѣта Общества, А. А. Потѣхина, объ учрежденіи въ Убѣжищѣ Общества стипендіи его имени, съ ежегоднымъ отчисленіемъ на это по 240 рублѣ изъ текущихъ средствъ Общества.

Затѣмъ слѣдовало, также принятое Собраніемъ, предложеніе Совѣта объ учрежденіи въ Убѣжищѣ стипендіи имени „Перваго Предсѣдателя Общества, Андрея Александровича Краевского, съ ежегоднымъ отчисленіемъ на это по 240 руб. изъ текущихъ средствъ. По предложенію А. Р. Кугеля, память А. А. Краевского была почтена вставаніемъ.

Сверхъ ожидалія, большія пренія вызвало предложеніе Совѣта объ отчисленіи 1,782 р. изъ дохода отъ маскарада, устроеннаго въ пользу Общества въ январѣ текущаго года въ московскомъ Большомъ театрѣ, на учрежденіи „Стипендіи Р. Т. О. для артистовъ частныхъ сценъ“ въ богатырствѣ московскаго „Общества для приравнанныхъ способныхъ къ труду артистовъ“. По объясненію А. Е. Молчанова, эта мѣра явится какъ бы реваншемъ названному московскому Обществу, которое недавно принесло устроеннымъ имъ маскарадомъ около 15,000 руб. въ кассу Театральнаго Общества.

По поводу этого предложенія В. С. Кривенко заявилъ, что эти 1782 р., являясь только лишнимъ „спеціальнымъ капиталомъ“, который будетъ „мертвѣ“, т. е. не способенъ служить предназначеннымъ цѣлямъ, до тѣхъ поръ, пока не разрастется до 6000 р. Не лучше ли поэтому эти 1782 р. зачислить въ оборотныя средства Общества, а па себя взять обязательство изъ текущихъ средствъ Общества выдавать определенную сумму на содержаніе кровати при московскомъ Обществѣ? Московскіе артисты, благодаря своему убѣжищу, отдѣлены отъ Театральнаго Общества какъ бы китайской стѣной. Необходимо сблизиться съ ними, ибо въ концѣ концовъ все должно объединиться подъ эгидой Театральнаго Общества. Если же отъ нашего капитала часть передать къ москвичамъ, то это послужитъ къ еще большому отчужденію.

— Въ нынѣшнемъ году, вступаетъ А. Е. Молчановъ, у Совѣта былъ такой случай: одна старушка-артистка, имѣющая всѣ права на поступленіе въ убѣжище, не могла воспользоваться этими правами, такъ какъ доктора находили вредными для ея здоровья климатическія условія Петербурга. И такой случай не единичный. Поэтому намъ необходимо имѣть кровати и въ другихъ городахъ, и чѣмъ скорѣе они будутъ, тѣмъ лучше. Это будутъ своего рода филиальныя отдѣленія нашего убѣжища.

Вопросъ поставленъ на баллотировку, и предложеніе В. С. Кривенко восторжествовало. Такимъ образомъ однимъ лишнимъ „спеціальнымъ“ капиталомъ — меньше.

Слѣдующій вопросъ — предложеніе Совѣта объ отчисленіи, жертвуемаго въ большихъ сравнительно суммахъ комисіоннаго %, причитающагося уполномоченнымъ Совѣта по охраненію авторскихъ правъ членовъ Общества — въ фондъ на образованія въ Убѣжищѣ „капитала стипендіи имени уполномоченныхъ Совѣта“.

Противъ этого возстаютъ А. Р. Кугель:

— Я нахожу болѣе цѣлесообразнымъ предоставить эти суммы въ распоряженіе Совѣта. Пусть онъ тратитъ ихъ по мѣрѣ поступленія и по своему усмотрѣнію на благотворительныя нужды: на суды тѣмъ же авторамъ, на единовременныя пособія имъ, на стипендіи и т. д. Но только не надо „фонда“, не надо „спеціальнаго“ капитала.

Послѣ недолгихъ преній предложеніе г. Кугеля принято, и эти суммы рѣшено тратить на текущія благотворительныя нужды.

Но самый „острый“ вопросъ еще впереди: предложеніе Совѣта о мѣрахъ, необходимыхъ для урегулированія посреднической дѣятельности Бюро.

Отъ себя бюро еще въ 1899 г. предлагало какъ мѣру противъ недобросовѣстныхъ нарушителей контрактовъ — опубликованіе ихъ фамилій. Тогда, однако, это предложе-

не потерпѣло фiasco. Теперь самъ Совѣтъ вносить этотъ вопросъ на разсмотрѣніе Собранія.

Первымъ говорилъ А. Р. Кугель. По его мнѣнію, неустойка, включаемая въ современные контракты, никого и ничего не гарантируетъ. Если контрактъ нарушенъ, то нарушившій его никакой нравственной ответственности не несетъ. Онъ только отвѣчаетъ извѣстной суммой денегъ, именуемой неустойкой. Неустойка—это только фикція. Между тѣмъ, практика дѣла настойчиво требуетъ такъ или иначе гарантировать сдѣлки сценическихъ дѣятелей. Да и наконецъ, Театральное Общество дошло до высоты, когда ему уже прямо неловко ставить свой штемпель подъ сдѣлками недобросовѣстными. Необходимо поэтому изыскать другую мѣру взысканій, основанную на нравственномъ воздѣйствіи на нарушителей контрактовъ.

Далѣе ораторъ предлагаетъ кромѣ договоровъ съ неустойкой, ввести для желающихъ договоры на честное

Въ итогѣ поручено Совѣту составить комиссію, которая бы детально разсмотрѣла этотъ вопросъ и свои соображенія представила бы на Общемъ Собраніи.

А. Е. Молчановъ затѣмъ предлагаетъ Собранію ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о разрѣшеніи принять въ Убѣжище П. Е. Нѣминову, родную сестру А. Е. Мартынова, хотя и не принадлежащую къ сценическимъ дѣятелямъ.

Вл. Л—ій.

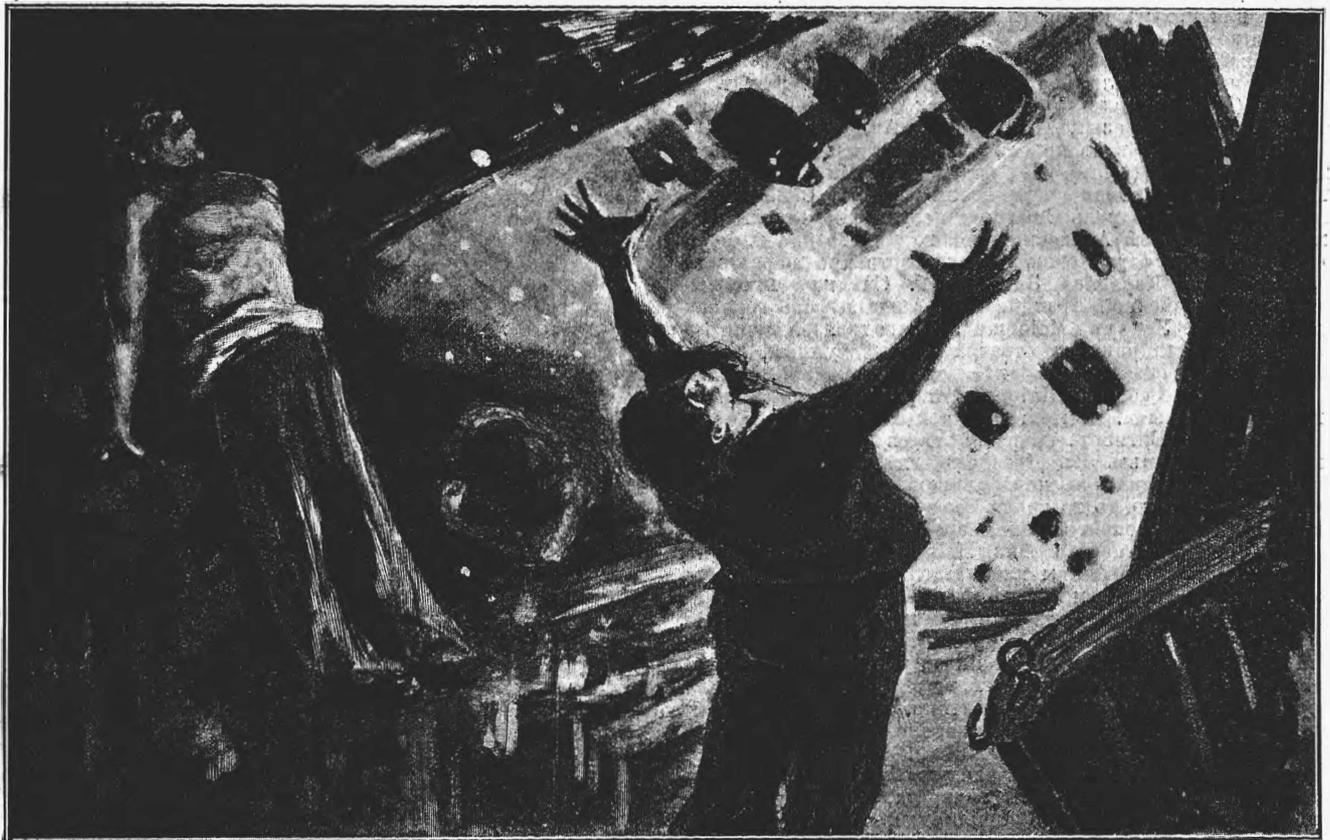

И. В. Шпажинскій

(по поводу 25-лѣтія литературной дѣятельности).

И. В. Шпажинскій одинъ изъ самыхъ видныхъ и плодотворныхъ русскихъ драматическихъ писателей. Къ чести почтеннаго юбиляра, онъ всегда заботился о ли-

— Театръ Литературно-Художественнаго Общества. —

Шахта «Георгій». Взрывъ шахты.

Рис. С. Цанова.

слово и фамиліи нарушившихъ договоры послѣдняго рода и уличенныхъ въ недобросовѣстности публиковать.

— Здѣсь не будетъ никакого „лишенія правъ“, но просто лишенія услугъ Бюро. Я поручился за тебя, ты обманулъ меня, слѣдовательно, я не желаю имѣть съ тобой больше дѣловыхъ отношеній. Это право каждаго изъ насъ, право каждаго учрежденія, слѣдовательно и Бюро, которое, какъ учрежденіе, дорожащее своей репутаціей, желаетъ ставить свой штемпель только подъ добросовѣстными сдѣлками. Актеру, лишенному права пользоваться посредничествомъ Бюро, остается еще цѣлый рядъ частныхъ конторъ, гдѣ ни о какомъ „честномъ словѣ“ его спрашивать не стануть.

— Судь будетъ неравной, возражаетъ г. Неволинъ:— сила на сторонѣ антрепренера и ему легче доказать свою правоту. Подождемъ лучше учрежденія Союза, а при немъ и суда чести.

— Нѣтъ, господа, вступается А. Е. Молчановъ, это дѣло не терпитъ отлагательствъ. Совѣтъ Театральнаго Общества заваленъ жалобами подобнаго рода.

— Предлагаю коррективъ, объявляетъ Н. Н. Окуловъ, мнѣ думается, что контракты на „честное слово“ можно ввести въ дѣйствіе, если при каждой труппѣ будетъ учрежденъ третейскій судъ.

литературныхъ достоинствахъ своихъ произведеній, писалъ просто и освѣщаль своихъ героевъ всегда и неизмѣнно теплотою своего сердца. Лица его пьесъ въ значительномъ большинствѣ продукты непосредственнаго наблюденія надъ жизнью, и несомнѣнно свидѣтельствуютъ о силѣ его наблюдательности, благодаря которой онъ внесъ нѣсколько оригинальныхъ общественныхъ типовъ и новыхъ эффектныхъ сценическихъ положеній. Феня (Маюрша), Недыхляевъ (Кручина), Зина (Поздній разсвѣтъ) и мног. друг. выказали въ авторѣ замѣчательный психологическій тактъ. Несмотря на несомнѣнный достоинства пьесъ этого автора и въ то, что они были очень радушно принимаемы публикою и дѣлали всегда хорошіе сборы, врядъ ли кто изъ современныхъ русскихъ драматурговъ имѣлъ столько препятствій, какъ И. В., при постановкѣ ихъ на сценѣ. Первая пьеса И. В. „Вопросъ жизни“, была неодобрена литературнымъ Комитетомъ. Г. Макшеевъ, читаемъ мы по этому поводу въ газетѣ „Голосъ“,— артистъ Малаго театра, выбралъ для своего бенефиса пьесу начинающаго автора г. Вязовскаго (псевдонимъ И. В. Шпажинскаго) „Вопросъ жизни“. Комитетъ не одобрилъ пьесы, и авторъ ея принужденъ былъ поставить свою драму на частной сценѣ Артистическаго кружка, гдѣ она имѣла громадныя успѣхы съ г. Писаре-

вымъ, г. Борисовскими и г-жей Стрепетовой, въ главныхъ роляхъ. Такимъ образомъ пьеса, которая могла бы съ честью занять одно изъ лучшихъ мѣстъ въ репертуарѣ названной сцены, по волѣ Комитета, идетъ теперь лишь на сценѣ Артистическаго кружка. Авторъ послѣ перваго представленія былъ вызванъ *двадцать* разъ. Тоже самое случилось и съ другою пьесой г. Вязовскаго „Лакомый кусочекъ“, выбранной было г-жей Никулиной для своего бенефиса, которую опять таки не пропустилъ Комитетъ, а потому она представлена была на сценѣ Нѣмецкаго клуба, гдѣ имѣла успѣхъ. Такимъ образомъ второе произведеніе этого автора опять таки на нашу образцовую сцену не попало.

„Неужели-же, продолжаетъ авторъ цитируемой нами статьи,—на одинаково повсемѣстныхъ жалобы на странную дѣятельность этого Комитета,—жалобы, раздающіяся по всей Россіи, не обратятъ вниманія, и монополія въ постановкѣ пьесъ на казенной сценѣ—монополія привилегированныхъ казенныхъ русскихъ драматурговъ остается за ними. Прежде всего, зачѣмъ существуетъ этотъ удивительный Комитетъ? Въ этомъ, полагаю, и самъ онъ не можетъ дать себѣ отчета. Во всякомъ случаѣ, существуетъ онъ не для искусства, не для его интересовъ“.

Собственно, извѣстность И. В. Шпажинскаго начинается съ появленія на сценѣ его драмы „Маюрша“. Эта пьеса, предварительно была поставлена на частномъ театрѣ А. Бренко (Пушкинскомъ) и послѣ колоссальнаго ея успѣха тамъ съ гг. Писаревымъ (Корягинъ), Андреевымъ-Бурлакомъ (Архипъ), Свободнымъ (Сладневъ) и г-жей Глама-Мещерской (Фея), ее взяли въ Малый театръ, гдѣ въ роли Феи чередовались г-жа Фодотова и г-жа Никулина, а роль Сладнева безупречно игралъ Самаринъ. На сценѣ Александринскаго театра она шла въ бенефисъ Никифора-Новикова, посредственно игравшаго въ ней роль Корягина. Зато М. Г. Савина съ необыкновенной жизненной правдивостью создала роль героини драмы Феи. Успѣхъ „Маюрши“, благодаря ея игрѣ, на сценѣ Александринскаго театра былъ крупный, пьеса почти два года не сходила съ репертуара, дѣлая всегда полные сборы. „Маюрша“ переведена на чешскій и нѣмецкій языки. Въ Прагѣ въ ней славилась талантливая Морущка-Битверъ, въ расцвѣтѣ своего дарованія похищенная смертью. Въ Дрезденѣ, гдѣ пьеса шла подъ именемъ „Русалки“, въ ней большой успѣхъ имѣла, начинавшая только въ то время свою сценическую карьеру, впоследствии европейская знаменитость, Богнаръ. Комедія „Легкія средства“, поставленная И. В. вслѣдъ за „Маюршой“, не увидала также рамы казенныхъ театровъ. Комитетъ забраковалъ ее, не смотря на то, что она была удостоена преміи Вучины, якобы за циничность ея содержанія, въ чемъ сильно заставила усумниться зрителей постановка этой пьесы на сценѣ Пушкинскаго театра (А. Бренко). Комедія имѣла большой успѣхъ, встрѣтивъ сочувственный пріемъ также и со стороны критики. „Легкія средства“, писали про пьесу послѣ ея перваго представленія въ одномъ изъ періодическихъ изданій,—очень талантливая вещь, и смѣлость автора ея заслуживаетъ всякой похвалы. Срывать покрывало съ разврата, практикуемаго въ нашихъ, съ виду строго приличныхъ салонахъ, дѣло очень почтенное. Напоминаніе, что родители рано или поздно встрѣтятъ въ дѣтяхъ своихъ строгихъ неумолимыхъ судей—тоже весьма поучительно; но щекотливость сюжета и *новость мотива* требовали большой осторожности въ художественной обработкѣ деталей, особенно щекотливыхъ сценическихъ положеній. Изъ многихъ затрудненій авторъ выпутался благополучно, а потому мы склонны утверждать, что не смотря на грязь свѣтскаго салона, изображеннаго Шпажинскимъ въ „Легкихъ средствахъ“, какъ драматическое произведеніе эта пьеса совершенно прилична. Комедія „Легкія средства“ и драма „Поэзій разцвѣтъ“, обѣ удостоеныя преміи представляютъ значительный шагъ впередъ въ развитіи дарованія г. Шпажинскаго. Во всякомъ случаѣ въ нихъ мы имѣли дѣло не съ поставщикомъ скороспѣлыхъ произведеній, а съ настоящимъ литературнымъ работникомъ. Шпажинскій шелъ по вѣрной дорогѣ, оставалось только поддержать его на этомъ пути. Случилось же наоборотъ. Авторъ неизбѣжно долженъ былъ придти къ печальному заключенію, что для успѣха вовсе не слѣдуетъ затрогивать серьезныхъ общественныхъ мотивовъ, что сцена отнюдь не мѣсто для рѣшенія психологическихъ задачъ и что театръ хотя и призванъ быть зеркаломъ, отражающимъ жизнь, но только въ узкихъ рамкахъ весьма условнаго сценическаго приличія. И вотъ г. Шпажинскій пишетъ „Фофана“, комедію въ 3 дѣйствіяхъ, представляющую довольно привлекательную картину жизни нашего заолустья.

Въ „Фофанѣ“ гораздо болѣе „Легкихъ средствъ“ и гривуазности, чѣмъ въ забрагованныхъ пьесахъ, но пьеса сбивалась на столь любезную водевильную рутину и была одобрена для Императорской сцены.

„Легкія средства“, какъ мы уже сказали выше, были поставлены на сценѣ Пушкинскаго театра и, превосходно разыгранныя артистами, продержались въ его репертуарѣ почти два сезона. Такой-же, если даже и не большій успѣхъ имѣла на той же сценѣ, и драма того же автора „Кручина“. Дѣйствительно лучшихъ и болѣе подходящихъ исполнителей ея, какими были Андреевъ-Бурлакъ, Борисовскій въ Недыхляевъ, Писаревъ въ Ревякинъ Далматовъ въ Рубельниковъ, Глама-Мещерская въ Манечкѣ, Рыбчинская въ Поливкѣ и Вороздина въ Таисіи, подыскать врядъ ли возможно. Съ „Кручиной“ произошло затѣмъ тоже самое, что было и съ „Маюршей“: послѣ

И. В. Шпажинскій.

(Къ 25-лѣтію литературной дѣятельности).

того, какъ ея пересмотрѣла вся столичная публика въ частныхъ театрахъ, ее приняли на казенную сцену, гдѣ она тоже имѣла большой успѣхъ. Въ особенности нравились въ ней въ Петербургѣ Писаревъ, а въ Москвѣ Ленскій въ роли Недыхляева и Никулина въ роли Таисіи. Рамки нашей бѣглою замѣткою лишаютъ насъ возможности прослѣдить шагъ за шагомъ послѣдующую дѣятельность И. В. Шпажинскаго. Скажемъ только, что за нѣкоторыми исключениями, впрочемъ, весьма незначительными всѣ поставленныя имъ затѣмъ пьесы имѣли большой успѣхъ, и многія, какъ, наприкладъ, „Чародѣйка“ стали репертуарными во всѣхъ театрахъ. Объ успѣхѣ пьесы И. В. Шпажинскаго говоритъ число выдержанныхъ ими представлений. Такъ „Маюрша“ была представлена на столичныхъ частныхъ сценахъ и въ провинціальныхъ театрахъ съ 1878 г., т. е., со дня появленія 1568 разъ, „Фофанъ“, поставленный въ первый разъ 1880 г. шелъ 1088 разъ, „Кручина“ (съ 1881 г.) была дана 1016 разъ, „Чародѣйка“, поставленная въ 1888 г., шла 1440 разъ и, наконецъ, „Старые годы“ съ 1888 г. были представлены на частныхъ сценахъ 982 раза. М. В. Карнѣевъ.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Полезное нововведеніе въ практикѣ Императорской Театральной школы. По распоряженію г. директора, нѣкоторые артисты Императорскихъ театровъ приглашаются въ качествѣ ассистентовъ на занятія учащихся.

* * *

Въ бенефисъ М. Г. Савиной пойдетъ передѣлка „Воскресенья“ гр. Толстого, г. Ге, носящая названіе „Катюша Маслова“. Этимъ названіемъ опредѣляются рамки передѣлки.

* * *

На-дняхъ въ Петербургъ прѣѣзжалъ извѣстный провинціальный антрепренеръ К. Н. Незлобинъ съ цѣлью снятъ театръ на будущій зимній сезонъ для драматической труппы. Къ сожалѣнію, пока свободныхъ театровъ у насъ нѣтъ. Наиболѣе подходящимъ для себя г. Незлобинъ считаетъ театръ г-жи Неметти, гдѣ нынѣ антрепренерствуетъ г-жа Шабельская.

* * *

На-дняхъ праздновалось 35-лѣтіе служебной дѣятельности А. И. Курочкина въ С.-Петербургской консерваторіи. Юбиларъ получилъ массу привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ.

* * *

Слухи.

— Вопреки газетнымъ слухамъ, лирижеромъ въ Павловскѣ на будущее лѣто остается по-прежнему г. Галкинъ. Эд. Колоннъ приглашенъ только на 8—10 концертовъ, которые состоятся въ концѣ іюня и началѣ іюля.

— Драматической цензурой разрѣшена новая пьеса В. В. Протопопова «Позолоченные люди», которая уже репетируется въ театрѣ Шабельской.

— Для того же театра составляется въ настоящее время опереточная труппа, которая будетъ чередоваться съ драматической. Опереточныхъ спектаклей въ недѣлю предполагается—3.

— Вновь принятый на Марининскую сцену теноръ г. Алчевскій скоро будетъ выступать въ ответственныхъ партіяхъ. Для перваго дебюта въ большой партіи г. Алчевскому дадутъ спѣтъ «Фауста».

— «Крым. В.» сообщаетъ, что будто бы Л. Н. Толстой пишетъ новую пьесу, названіе и содержаніе которой пока составляетъ «секретъ автора». Графъ считаетъ совершенно безполезнымъ преждевременно знакомить читающую публику съ неоконченнымъ произведеніемъ: можетъ случиться, что произведеніе и не выйдетъ въ свѣтъ. Начатая пьеса «Труппа» не окончена вполне и по нѣкоторымъ причинамъ не скоро или, быть можетъ, совсѣмъ не появится въ печати.

— Театрально-литерат. комитетомъ одобрена для постановки на сценѣ Импер. т. пьеса «Ломоносовъ» г. Половцева.

— Г-жа Замбелли получаетъ по 2 тысячи франковъ за выходъ.

— Е. И. Левкѣва въ свой бенефисъ возобновляетъ драму Островскаго «Грѣхъ да бѣда на кого не живеть».

— Новая пьеса Поля Эрвье «Загадка» переведена Л. Я. Гольдштейномъ и вскорѣ будетъ поставлена на сценѣ театра Литературно-художественнаго Общества.

— Слѣдующая новинка «Новаго театра» — «Ома Гордѣвъ» ком. въ 6 д., пер. изъ повѣсти Горькаго.

— Г-жа Варламова въ свой бенефисъ въ театрѣ «Фарсъ» (6 ноября) ставитъ два новыхъ фарса: «Всѣ такъ дѣлаютъ» и «Чу-Тѣфу-Чанъ».

* * *

«Нов. Вр.» пишутъ изъ Парижа объ инцидентѣ, случившемся на второмъ концертѣ Ламурэ, во время исполненія «патетической» (шестой) симфоніи Чайковскаго. Симфонія имѣла средней успѣхъ у неособенно чуткой публики. «Это бы еще ничего, добавляетъ корреспондентъ, но вотъ что сопровождало ея исполненіе: не успѣли замолкнуть звуки безсмертнаго *Leggetto*, какъ какой-то невѣжда прооралъ на всю залу: «Станемъ подписываться на ихъ займы, но пусть они оставятъ насъ въ покоѣ съ своею музыкою». Я ожидалъ, что эта возмутительная выходка встрѣтитъ порицаніе, но ошибся: нашлись любители апплодировать нахалу».

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы. Знаменательнымъ въ смыслѣ поворота Большаго театра къ русской музыкѣ является

— NOBЫЙ ТЕАТРЪ. —

«Перекаты».

Рис. М. Любимова.

постановка «Псковитянки» Римскаго-Корсакова. Если вспомнить, что изъ здравствующихъ нынѣ русскихъ композиторовъ Римскій-Корсаковъ — самый крупный талантъ и самый яркій представитель русскаго направленія въ музыкѣ вообще, и въ частности, въ оперѣ, то перемѣна направленія въ дѣятельности нашей Императорской оперы станетъ очевидной. Большой театръ «призналъ» Римскаго-Корсакова и, можетъ быть, не такъ ужъ далеко и то время, когда на его сценѣ появится и «Садко», и «Царь Салтанъ», и «Царская невѣста», и «Млада» («Моцартъ и Сальери» уже готовится къ постановкѣ въ этомъ сезонѣ).

Постановка и исполненіе оперы обнаруживаетъ видимую заботливость и стараніе все сдѣлать по возможности лучше. Средства на постановку, кажется, не пожалѣли. Костюмы и декорации вышли отличными, въ особенности послѣднія изъ декораций, какъ, напримѣръ, декорации сцены вѣча, положительно красивы.

Оркестръ и хоръ нашего Большаго театра были, по обыкновенію, на высотѣ задачи.

Меньшей похвалы заслуживаетъ составъ отдѣльныхъ исполнителей. Г. Шаляпинъ, исполнявшій партію Грознаго, стоитъ, конечно, совершенно особнякомъ. Въ этой партіи ему нѣтъ равнаго. Не дурное впечатлѣніе оставила также г-жа Салина, пѣвшая партію Вѣры (въ прологѣ). Но двѣ другія главные партіи «Псковитянки» — Ольги и Тучи — наши въ лицѣ г-жи Марковой и Донскаго слишкомъ безсвѣтныхъ исполнителей, которые очень ослабили интересъ оперы или по крайней мѣрѣ своихъ партій. Второстепенныя партіи (Токмакова, Матуты и Власевны) исполняются удовлетворительно.

Успѣхъ опера имѣла безспорный. Автора вызвали нѣсколько разъ всѣмъ театромъ. Ему было подано нѣсколько лавровыхъ вѣнковъ. Послѣ втораго акта и по окончаніи оперы оваціи повторились.

Fanfare.

* * *

Московскія вѣсти.

«Ириновскія община» Сумбатова идетъ 1 ноября, въ бенефисъ г. Рыбакова.

— О. О. Садовская для своего бенефиса выбрала пьесу А. Э. Писемскаго «Ипохондрикъ».

— Пьеса А. А. Плещеева «Въ своей роли» приобрѣтена для театра Пуаре. Въ томъ же театрѣ пойдетъ 12 ноября передѣлка «Униженныхъ и оскорбленныхъ».

* * *

Панаевскій театръ. 1 ноября была представлена въ первый разъ новая пьеса И. В. Шпажинскаго «Рука руку моетъ», про которую писали въ газетахъ, что литературно-театральный комитетъ ея не одобрилъ. Почтенный писатель, наканунѣ своего 25-лѣтняго юбилея, претерпѣлъ какъ разъ ту же непріятность, что и въ началѣ своей карьеры, если,

впрочемъ, сужденія литературно-театрального комитета можно серьезно считать несправедливыми. Признаться, намъ непонятны мотивы, по которымъ пьеса г. Шпажинскаго не была одобрена. Пьеса почтеннаго автора, правда, нѣсколько устарѣла по манерѣ,—но въдѣ литературно-театральный комитетъ есть въ нѣкоторомъ родѣ академическій аргусъ, стоящій у вратъ рая и не пропускающій именно смѣлыхъ, новыхъ, молодыхъ теченій. Пьеса г. Шпажинскаго отличается нѣкоторою дидактичностью. Но и это всегда поощрялось комитетомъ. Пьеса, быть можетъ, недостаточно эффектна. Но не дѣло комитета слѣдить за эффектами. Съ точки зрѣнія комитета, новал пьеса г. Шпажинскаго отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ: она литературна, благо нравна, чужда тенденціозности, проникнута добрыми чувствами, и наконецъ, принадлежитъ перу драматурга, заслужившаго почетное имя въ исторіи русскаго театра. Рѣшеніе комитета намъ представляется, по этому, рѣшительно ни съ чѣмъ не сообразнымъ.

Мотивъ новой пьесы г. Шпажинскаго не отличается новизной. Герой пьесы—архитекторъ Олымовъ находится приблизительно въ положеніи Жадова. Акціонерное правленіе, воздвигающее домъ, стремится „урвать“, архитекторъ же—человѣкъ честный. Въ правленіи „рука руку моетъ“, и комитетъ оказываетъ сильнѣе честнаго архитектора. Пукаются въ ходъ всякія средства и между прочимъ, съ большой головы да на здоровую, Олымова обвиняютъ въ взяточничествѣ, подсунувъ браслетъ его сожительницѣ, мѣщанской дѣвицѣ Глашѣ, особѣ „легкаго поведенія“, у которой архитекторъ находитъ „художественную натуру“. Глаша—дѣвушка добрая, искренняя, но легкомысленная и „затянутая“ жизнью. Она уходитъ отъ Олымова, такъ какъ убѣждена, что она ему „не подь стать“, а изъ бѣды Олымова выручаетъ влиятельная вдова Свирицкая, принимающая въ немъ живое участіе. Все кончается къ общему благополучію, и пожалуй, быть честнымъ человѣкомъ не такъ уже невыгодно, какъ можно было бы подумать на первый взглядъ.

Лица въ новой пьесѣ г. Шпажинскаго очерчены правдиво, безъ всякихъ вычуръ и прикрасъ. Простота пріемовъ—вообще, отличительная черта дарованія г. Шпажинскаго,—простота, впадающая иной разъ въ наивность. Это отсутствіе рисовки и аффектаціи—самая симпатичная сторона г. Шпажинскаго. Ни въ сценическомъ построеніи пьесы, ни въ языкѣ нѣтъ ничего патетическаго, торжественнаго, превыпрежняго. Есть нѣкоторая книжность благородныхъ монологовъ, но быть можетъ, дѣйствительно, хорошие, честные, милые люди говорятъ такимъ образомъ? Намъ трудно въ столицѣ судить о томъ, какъ разсуждаютъ далекіе, заброшенные вглубь „вѣковой Россіи“, хорошие люди?

Пьеса г. Шпажинскаго, въ общемъ, хорошо разыгрывается г-жей Холмской (Глаша), Ибпочиной, Новиковой, гг. Сѣверскимъ, Михайловымъ, Яковлевымъ, Вравичемъ и др. Послѣ 2 акта г. Шпажинскаго, по случаю 25-лѣтняго юбилея, чествовали при открытомъ занавѣсѣ. Былъ поднесенъ серебряный вѣнокъ отъ труппы, а г. Карповъ проианесъ приличествующее случаю слово. Публика вызывала автора многократно.

* * *

Фарсъ. На новые фарсы въ нынѣшнемъ году неурожай. Дирекція театра «Фарсъ» черпаетъ изъ запаса прошлыхъ лѣтъ: «Къ самой красивой женщинѣ», «Пеленки», «Мужъ моей жены»—это все старые фарсы, о которомъ своевременно мы дачали отчеты.

Г. Пальмъ бенефисный спектакль (29 октября), составилъ также изъ возобновленій. «Дама отъ Максима» и «Вопросительный знакъ» уже достаточно набили оскомину, поэтому театръ былъ далеко не полонъ. Нѣкоторый интересъ представлялъ старинный трех-актный водевилъ П. Каратыгина «Черное пятно», въ свое время съ большимъ успѣхомъ шедшій на Александринской сценѣ. Это «свое время», во всякомъ случаѣ, очень далеко отъ насъ. Впрочемъ, какъ пародія на докторовъ,—пародія, конечно, столь же невинная, сколько наивная,—водевилъ этотъ мѣстами вызываетъ смѣхъ. Докторовъ въ немъ изображали гг. Каменскій, Фокинъ, Рѣшимовъ и Горинъ-Горайновъ. Больной, котораго эти доктора лечатъ отъ несуществующей болѣзни—г. Пальмъ. Въ данномъ водевилѣ артисты оставили довольно блѣдное впечатлѣніе. Только г. Каменскій на этотъ разъ удивилъ меня своей живостью и мягкимъ неподдѣльнымъ комизмомъ.

В. Л.—ий.

* * *

Балетъ. Архивный балетъ «Жизель», съ поэтической музыкою Адама, служилъ пробнымъ камнемъ для многихъ балеринъ. Въ этомъ балетѣ дебютировали двѣ балерины—г-жи Гримальди и Преображенская, а 28 октября въ томъ же балетѣ выступила въ 1-й разъ г-жа Замбелли. Театръ былъ полонъ. Врядъ ли эту роль можно считать въ репертуарѣ г-жи Замбелли лучшею. Въ классическихъ танцахъ, а въ особенности въ

вариансахъ ея сою (съ двойными турами), гдѣ Замбелли имѣла несомнѣнный успѣхъ; но зато въ сильно драматизированномъ і актѣ дебютантка далеко не оставила того впечатлѣнія, какое оставила г-жа Гримальди. Знаменитая сцена сумасшествія прошла блѣдно и невыразительно. Хотя нашлись лица, встрѣтившія балерину при первомъ появленіи «легкимъ пиканьемъ», но въ теченіи спектакля было не мало дружныхъ аплодисментовъ.

Н. Ф.

* * *

Не утрачившись печальной судьбы, постигшей у насъ французскую «La Roulotte», въ Петербургъ пріѣхалъ со своей труппой директоръ рижскаго «Пестраго театра» (Überbrett'l) Вильгельмъ Рикгофъ. Надо сознаться, что г. Рикгофъ выбралъ для своихъ гастролей крайне неподходящее помѣщеніе, а именно театръ «Пальма». Изящные, немного декадентскіе туалеты хорошихъ артистокъ, выступившихъ въ первомъ спектаклѣ 29 октября, страшно дисгармонируютъ съ сѣрыми, закопченными стѣнами и потолкомъ неуютнаго театрального зала. На первое мѣсто надо поставить г. Бертольда Розе—замѣчательнаго комика-куплетиста; это лучшая сила труппы Пестраго театра. Весьма интересны гг. Рикгофъ (декламаторъ), Гердесъ (композиторъ и аккомпаниаторъ), Гюртлеръ (поэтъ); г-жи Отти Дице (вѣнская субретка), Обермайеръ (меццо-сопрано) и др. Не нравится публикѣ пѣніе беголосой г-жи Бедековичъ, распѣвающей куплеты на очень сомнительномъ французскомъ языкѣ; въ качествѣ актрисы г-жа Бедековичъ очень недурна. Необходимо добавить, что весь женскій персоналъ труппы состоитъ изъ хорошихъ женщинъ. Куплеты «La Roulotte»—относительно приличны. Отъ нѣмецкихъ пѣсенокъ вѣтъ какой-то варзавительной веселости, а отнюдь не цинизмомъ.

Во всякомъ случаѣ, это очень оригинальное явленіе театральной жизни.

Ф. В. Долинь.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Воронежъ. 18 октября состоялось засѣданіе театральной коммисіи, обсуждавшее условіе сдачи въ аренду городскихъ театровъ на новый срокъ: лѣтняго—съ 1 мая 1902 г., а зимняго—съ 1 января. Одни полагали, что театръ долженъ эксплуатироваться самимъ городомъ, при чемъ городъ не беретъ за него съ антрепренеровъ и труппъ ничего, кромѣ платы за освѣщеніе, но за то ставить ограниченныя условія относительно платы за мѣста, состава репертуара и времени спектаклей. Другіе (и такихъ было большинство) полагали, что городской театръ отжилъ свой вѣкъ, сталъ ветхъ, подгнилъ и требуетъ, если не сломки для постройки новаго, то значительнаго капитальнаго ремонта, который обойдется городу больше десятка тысячъ. Нужно или совсѣмъ уничтожить театръ въ сад у, или если сдаться—то съ условіемъ, чтобы весь капитальный ремонтъ и отвѣтственность за безопасность театра ложились, по контракту, на арендатора. Коммиссія намѣтила только, такъ сказать, пункты будущей аренды городского сада, не кладя окончательнаго рѣшенія, такъ какъ въпросъ будетъ обсуждаться вновь въ присутствіи гласныхъ, интересующихся имъ.

Вильна. Дѣло г. Никулина съ «театральнымъ попечителемъ» Слезкинымъ назначено въ окружномъ судѣ на 3 декабря. Дѣла театра идутъ плохо, что и не можетъ быть иначе, при той странной системѣ хозяйства, которая установилась. Можно надѣяться, что новый губернаторъ, генералъ фонъ-Валь, обратитъ вниманіе на театральныя дѣла.

Лѣтній театръ снятъ К. Н. Невлобиннымъ.

Елисаветградъ. Любопытную исторію разсказываютъ газеты про мѣстный театръ. Театръ снятъ В. В. Несмѣльскимъ, который передалъ театръ г. Гайдебурову на слѣдующихъ условіяхъ: за помѣщеніе г. Несмѣльскій получаетъ 160 р., при чемъ труппа обязана ставить еженедѣльно не менѣе 5 спектаклей, что въ сезонъ составитъ около 100 спектаклей. Такимъ образомъ г. Несмѣльскій получаетъ 16 тыс. руб., кромѣ платы за утренніе спектакли. Самъ же г. Несмѣльскій платитъ владѣльцу театра только 3000 р. Если всѣ остальные расходы подчитать въ 5000 р., что превышаетъ всякія предположенія, то г. Несмѣльскій заберетъ чистоганомъ болѣе 7000 руб. Ловкая комбинація!

По словамъ газетъ, при такой арендѣ въ Елисаветградѣ не выдержитъ ни одна труппа. Убытки г. Гайдебурова за первый мѣсяцъ около 9 тысячъ руб.

Екатеринбургъ. На дняхъ здѣсь состоятся гастролы М. В. Дальскаго.

Екатеринславъ. Приводимъ въ своемъ родѣ отрывки изъ замѣчательнаго документа—афиши, выпущенной какимъ-то гипнотизеромъ Лорицемъ. «Лорицъ обѣщаетъ показать чудеса. Онъ все умѣетъ, все можетъ. Его, напр., можно рвать какими угодно острыми ножами, и Лорицъ останется цѣлъ и

Пасхи Варя

Chant.

Вся говорит, что я втретью забываю, вся говорит, что я третий забываю.

Мал потому же я всего забываю, мал потому же я забыл не могу?

Мал потому же я всего забываю, мал потому же я забыл не могу?

2^я Курт. Ах, вы разрывали сердце моего доброго, ах, вы узнайте, кого я люблю!

Девоче я любима, девоче я любимая — ах, одного я забыть не могу?

Шахта «Георгій» Е. П. Карпова.

невредимъ. Онъ производитъ «массовое внушеніе» всей публикѣ, находящейся въ залѣ, такъ что каждый изъ публики потеряетъ свою чувствительность тѣла къ болевымъ опущеніямъ до такой степени, что самъ себя будетъ рѣзать ножомъ или колоть булавкой и при этомъ безъ всякой боли. Лорицъ *обязуется* на сценѣ или по частному приглашенію на домъ путемъ внушенія совершенно отрѣшить *навсегда* отъ дурныхъ привычекъ. И отрѣшаетъ отъ увлеченія женатыхъ мужчинъ и замужнихъ женщинъ, и внушаетъ быть совершенно воздержанными, по отношенію къ ухаживаньямъ за чужими женами, и наоборотъ. Трактирщики и кабацкичи! Закрывайте ваши кабаки: изъ Африки пріѣхалъ Лорицъ!

Въ распоряженіи г. Лорица имѣется незамѣнимый и чрезвычайно драгоценный въ жизни способъ зашивать рты... Въ Харьковѣ послѣ его отъѣзда куда меньше сплетенъ стало! Въ Баку нѣкоторые мужа кушили у г. Лорица секретъ зашиванія ртовъ, шовъ распаривается также безъ боли и не оставляетъ никакихъ слѣдовъ... Губы, предназначенныя для поцѣлуевъ, уши для нащептыванія и вдругъ все это нѣжное и почти священное подвергается публичному поруганію, профанация губъ и ушей, профанация ближайшихъ проводниковъ любви.

Что же это за личность г. А. Лорицъ, этотъ своего рода продуктъ двадцатаго столѣтія? въ Одессѣ онъ кого-то пырнулъ кинжаломъ, въ Елисаветградѣ онъ внушилъ какой то дѣвщицѣ такую страсть, что та бросила родителей и пошла за нимъ, отдавъ ему все свое приданое, въ Кронштадтѣ тоже самое, но на этотъ разъ уже морской дамѣ, въ Кіевѣ онъ какому-то гласному зашилъ ротъ такъ что тотъ принужденъ былъ въ думскихъ засѣданіяхъ весь годъ молчать.

Но какія же цѣны билетамъ, когда и въ которомъ часу начало, посмотримъ подробности въ афишахъ. Ассистентъ Л. Неметти.

Справедливость требуетъ сказать, что администрація воспретилъ этотъ сеансъ. Анонсъ, изъ котораго мы привели выдержки, опечатанъ, съ разрѣшенія полиціи, въ г. Бѣлостокѣ.

Ніевъ. М. М. Бородай получилъ 25 октября отъ казанской публики адресъ, начинающійся словами: «Досточтимому импресарию, представителю казанско-саратовскаго товарищества оперныхъ и драматическихъ артистовъ М. М. Бородаю отъ многочисленныхъ почитателей». Далѣе слѣдуетъ рядъ комплиментовъ г. Бородаю за его умѣлое веденіе дѣла.

Г. Бородай заключилъ съ г. Соловцовымъ условіе, по которому оперная группа г. Бородая съ праздниковъ Пасхи будетъ играть въ продолженіи мѣсяца въ одесскомъ городскомъ театрѣ.

Сборы драматическихъ спектаклей г. Соловцова, по словамъ газетъ, слабые и куда ниже прошлогоннихъ.

Курскъ. Театръ у насъ все еще стоитъ пустымъ, ни одна труппа не ваѣзжаетъ къ намъ. Въ оживленіи же этого обыватели валомъ валятъ въ циркъ, смотрѣтъ четвероногоихъ артистовъ или идеютъ слушать какого-то куплетиста Пушкина.

Нижній-Новгородъ. К. Н. Неалобинъ отказался отъ антрепризы городского театра на будущее время.

Одесса. Въ думскомъ засѣданіи 26 октября обсуждалось заявленіе гл. Масленникова по поводу неправильныхъ дѣйствій театральной комиссіи. Дѣло въ томъ, что театральная комиссія, вызывающая

къ г. Соловцову особое благоволеніе, въ тихомолку постановила слѣдующіе три пункта: 1) не дѣлать вызова антрепренеровъ на сдачу Городск. театра и отдать его безъ вызова г. Соловцову, 2) отправить городской одесскій оркестръ Великимъ постомъ въ Кіевъ, для театра г. Соловцова, 3) замѣнить обязательный сезонъ русской драмы нѣмецкой опереткой. Гл. Масленниковъ по этому поводу заявилъ, что «городъ», затратившій громадную сумму на театръ, имѣлъ въ виду дать ему соответствующее назначеніе, а потому въ контрактахъ съ антрепренерами строго и точно обозначались тѣ категоріи представленій, какія наиболѣе желательны, а именно русская опера и драма Между тѣмъ комиссія произвольно замѣнила русскую драму нѣмецкой опереткой. За такое нарушеніе контракта антрепренеръ долженъ платить штрафъ. Гласный предлагаетъ поэтому немедленно заявить Соловцову, чтобы онъ продолжалъ представленіе драмы, т. е. вызвалъ свою группу какъ въ противномъ случаѣ онъ подвергнется послѣдствіямъ, предусмотрѣннымъ въ договорахъ. Что касается отпуска оркестра на 2 недѣли въ Кіевъ, то и здѣсь комиссія нарушила свои полномочія. На какомъ основаніи она это сдѣлала? Возражалъ на это предсѣдатель театральнаго комиссіи. Онъ заявилъ, что по инструкціи комиссіи имѣеть право на заключеніе контрактовъ по арендѣ театровъ.

Антрепренеръ г. Соловцовъ обратился въ театральную комиссію съ ходатайствомъ о разрѣшеніи распределить обязательный драматическій сезонъ въ настоящемъ году слѣдующимъ образомъ: въ сентябрѣ—драма его труппы, въ октябрѣ—вѣнская оперетта и въ ноябрѣ—малорусская труппа. Театральная комиссія, принимая во вниманіе, что прошлогонній драматическій сезонъ, продолжавшійся три мѣсяца, оказался *утомительнымъ для публики* (?), привыкшей къ разнообразію представленій, нашла возможнымъ удовлетворить ходатайство. Принимая во вниманіе въ высокой степени добровольное отношеніе г. Соловцова въ своимъ обязанностямъ и тѣ значительные убытки, которые онъ понесъ въ первый годъ этой антрепризы, театральная комиссія разрѣшила, въ видѣ исключенія дирижеру и музыкантамъ гор. оркестра, въ случаѣ соглашенія ихъ съ г. Соловцовымъ, выѣхать въ г. Кіевъ на двѣ недѣли.

Дума однако не согласилась съ мнѣніемъ г. Соловцова и настояла на томъ, чтобы всѣ три вопроса поступили на баллотировку. Городской голова поставилъ на баллотировку слѣдующіе вопросы: 1) желаетъ ли дума допускать въ городъ скопомъ театрѣ оперетку на будущее время; 2) желаетъ ли дума допускать на будущее время отпарку оркестра въ другіе города; 3) желаетъ ли дума сдѣлать вызовъ антрепренеровъ въ настоящее время для отдачи театра?

Первый и второй вопросъ разрѣшены отрицательно, а третій—въ положительномъ смыслѣ. Такимъ образомъ всѣ постановленія комиссіи были измѣнены.

Рига. Въ газетахъ поднятъ вопросъ объ эксплуатаціи русскаго театра въ Ригѣ, который съ будущаго сезона перейти въ новое роскошное помѣщеніе. Нѣкоторые желаютъ образованія театрального общества на акціяхъ, съ выдѣленіемъ матеріальной стороны дѣла и репертуара въ вѣдѣніе особой комиссіи, а художественной—въ вѣдѣніе спеціального художественнаго директора. Другіе предлагаютъ устроить театръ по образцу нѣмецкаго, т. е. съ особымъ театральнымъ

Пасхи Горки

Chant. Шахтаръ пациенту не пацетъ, кость въ руку не беретъ.

Вспраш. Кость въ руку не беретъ, шахтаръ барана не беретъ.

2^я Курт. Кость въ руку не беретъ, шахтаръ барана не беретъ.

3^я Курт. Шахтаръ рубитъ, шахтаръ бьетъ, ноги земляни ходъ беретъ.

Шахта «Георгій» Е. П. Карпова.

комитетомъ и гарантіями. Большинство придерживается именно послѣдняго. Кромѣ того, и тѣ, и другіе хотя бы также, чтобы ансамбль въ труппѣ былъ высокій, и, во-вторыхъ, чтобы вліяніе рижскаго русскаго театра на Прибалтійскій край было возможно большее. Артистовъ слѣдуетъ приглашать на цѣлый годъ (иногда и болѣе). Кромѣ пассивнаго вождѣвствія на край, слѣдовало бы создавать и активное, то есть устраивать лѣтомъ спектакли въ Либавѣ, Черновѣ, Гапсалаѣ и въ другихъ мѣстахъ края. Приглашаются лица, желающія участвовать въ гарантіи русскаго театра. Заявленія объ этомъ принимаютъ слѣдующія лица: И. А. Шутовъ, предсѣдатель правленія 3-го Общества взаимнаго кредита, старшина Русскаго клуба Г. Т. Гейнике и И. Г. Лабутичь, гласные городской думы: А. А. Бохановъ, И. Г. Лашковъ, Н. Д. Меркульевъ и С. И. Шутовъ и редакторъ «Рижскаго Вѣстника» Л. Н. Витвицкій.

Саратовъ. Саратовскій губернаторъ предложилъ городскому управленію отвести подъ постройку народнаго театра мѣсто и предосудить на сооруженіе его страховую премію, полученную за сгорѣвшій театр. Кромѣ того губернаторъ запросилъ «Отдѣлъ народныхъ развлеченій» о томъ, какое участіе приметъ онъ въ постройкѣ. 22 октября состоялось засѣданіе совѣта «Отдѣла», на которомъ совѣтъ высказался за участіе Отдѣла частью своимъ имуществомъ, оставшимся отъ бывшаго театра, и трудомъ по надзору за постройкой самаго зданія (силы техн., архитект., инженерн. и проч.) и въ организационной эксплуатациіи будущаго театра за свой рискъ и страхъ.

Симферополь. На дняхъ здѣсь состоялось экстренное засѣданіе комитета попечительства о народной трезвости для... обсуждения вопроса о разрѣшеніи клоуну Дурову дать нѣсколько представлений въ мѣстномъ Дворянскомъ театрѣ, который предоставленъ комитету для народныхъ спектаклей.

Томскъ. Къ послѣдней рецензіи «Сиб. В.» о спектаклѣ драматической труппы слѣлана слѣдующія приписка: «Эта рецензія послѣдняя въ «Сиб. Вѣстн.»: болѣе чѣмъ странное отношеніе антрепривы и нѣкоторыхъ изъ артистовъ къ общему суду надъ ихъ искусствомъ исключаетъ, къ сожалѣнію, возможность появленія въ газетѣ отзывовъ о нихъ». Любопытно бы знать: въ чемъ выразилось «странное отношеніе антрепривы»?

МАЛЕНЬКАЯ ХРОНИКА.

*** Героиня пьесы г. Плещеева, «Мотылекъ», стремящаяся на сцену, оказывается явленіемъ типическимъ. Называютъ въ Петербургѣ одну изъ театральныхъ «школъ», гдѣ берутъ уроки драматическаго искусства многія представительницы петербургскаго demi-monde'a, извѣстныя такъ называемому веселящемуся Петербургу также подъ зоологическими нававаніями разныхъ «звѣрьковъ». Затѣмъ онѣ присутствуютъ на всѣхъ первыхъ представленіяхъ, на гастрольяхъ знаменитостей, а одна даже простираетъ свою педантичность до того, что держитъ въ рукахъ текстъ пьесы. Явленіе новое у насъ, но весьма обычное въ Парижѣ, гдѣ артистки дѣлятся на двѣ категоріи — тѣхъ, которыя кончили консерваторію и происходятъ изъ буржуазныхъ семействъ, и представительницъ «вольницъ» — демимонденковъ, натурщицъ, а иногда и горничныхъ извѣстныхъ артистокъ. Очень любопытна, напримѣръ, біографія артистки Мегаръ, напечатанная въ послѣднемъ № «Théâtre». Пятнадцати лѣтъ она была заключена въ монастырь за «невинное кокетство». Затѣмъ — профессія натурщицы у художника Тульмуша, потомъ настойчивое стремленіе попасть на сцену, которому, очевидно, помогали всѣ тѣ, предъ кѣмъ прелестная артистка, такъ или иначе, позировала, и наконецъ, сцена. Да, сцена... Жалованье — 300 фр. въ мѣсяцъ, но пальто, отдѣланное «шевшемой», изображенное на портретѣ, стоитъ, вѣроятно, 3,000 фр., да кромѣ того, мало сшить пальто, надо, чтобы «Théâtre» его увѣковѣчилъ, а это тоже не дешево.

*** О быстротѣ творчества современныхъ драматурговъ. Драматургъ потерпѣлъ крушеніе: цензура не пропустила пьесы, на которую онъ сильно рассчитывалъ. Тогда драматургъ ухалъ въ Сестрорѣцкѣ и въ 4 дня написалъ новую пьесу. И кто знаетъ, можетъ быть, этотъ плодъ четырехдневной «недолгой науки» продержится на сценѣ 400 вечеровъ. Бываетъ, что пишешь три часа, а въ три года не сварится...

Письма въ редакцію.

М. г. г. Редакторъ! Позвольте мнѣ чрезъ посредство Вашего уважаемаго журнала обратиться къ гг. Суслову и Манько съ запросомъ, считаютъ ли они себя нравственно обязанными объяснить причины ихъ поступковъ относительно меня.

15 сентября с. г. явился ко мнѣ г. Сусловъ и снялъ у меня Уманскій театръ для своей труппы срокомъ съ 10 октября на одинъ мѣсяцъ. Въ концѣ того же сентября г. Су-

словъ прислалъ мнѣ для напечатанія и выпуска анонсъ и первую афишу «Несчасне коханья» на 10-го октября. Анонсъ я тогда же выпустилъ и 7 октября, когда я телеграфировалъ г. Суслову о выпускѣ афиши, получивъ отъ него изъ Минска телеграмму: «Задержите афишу, ѣду на 10 спектаклей въ Бобруйскъ, подробности письмомъ». Продавая напрасно обещанныхъ «подробностей», я 13 октября обратился съ телеграммой къ г. Суслову въ Бобруйскъ, на что 14-го послѣдовало отъ него отвѣтъ: «Погорѣли, дѣло разстроилось». Въ тотъ же день получается телеграмма тоже изъ Бобруйска отъ г. Манько: «Дѣло перешло мои руки, гарантируйте перспективную плату, приѣду». Такимъ образомъ, пришлось уже имѣть дѣло съ новымъ распорядителемъ труппы г. Манько, и результатомъ нашихъ переговоровъ 17 октября г. Манько телеграфируетъ мнѣ: «Выпускайте афишу, посланную Вамъ, замѣнивъ фирму Суслова м.ею. Начну воскресенье (21 окт.), выѣду пятницу всей труппой, заготовьте квартиры». Афиши, разумеется, были вынуждены, о чемъ я и телеграфировалъ г. Манько, открылъ продажу билетовъ, которыхъ продалъ больше, чѣмъ на 100 р., но вдругъ въ субботу ночью, т. е. 20 окт. г. Манько телеграфируетъ уже изъ Ковны: «не приѣду». Я подалъ искъ объ убыткахъ, но пока судъ да дѣло, пусть читающая публика знаетъ, какіе въ театральномъ мѣрѣ бываютъ контракты.

Примите и пр. Н. Голденбергъ.

М. Г. г. Редакторъ! Въ № 43 вашего уважаемаго журнала была напечатана корреспонденція изъ Нижняго-Новгорода, въ которой г. корреспондентъ хотя и допускаетъ, что я пользовался симпатіями петербургской публики, утверждаетъ, однако, что съ его провинціальной точки зрѣнія, я, Петипа, не въ состояніи держать репертуаръ игрою однихъ «шелопавевъ», въ продолженіи полутора мѣсяца подъ равличными соусами, что однообразіе этихъ типовъ наскучило публикѣ, и что театръ съ моимъ участіемъ силошь и рядомъ существуетъ.

Позвольте отвѣтить, чтобы возстановить истину. Изъ моего обширнаго репертуара, достаточно извѣстнаго всему театральному міру, я въ Нижнемъ-Новгородѣ за полтора мѣсяца успѣлъ сыграть небольшую часть, при чемъ нѣкоторыя пьесы повторялись. Вотъ изъ какихъ пьесъ состоялъ сыгранный репертуаръ: «Гувернеръ», «Рюи-Влазъ», «Сюлливанъ», «Тартюфъ», «Полусвѣтъ», «Донъ-Жуанъ», «Борьба за существованіе», «Ревизоръ», «Укрощеніе строптивой», «Аташе при посольствѣ», «Три сестры», «Злоба дня», «Мизантропъ», «Мужъ знаменитости», «Казнь».

Изъ этого перечня легко убѣдиться, что онъ состоитъ не изъ однихъ ролей шелопавевъ.

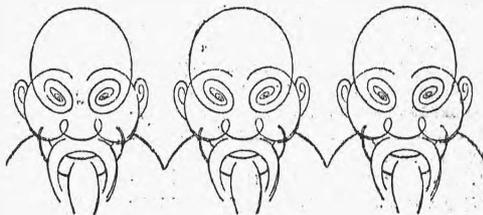
Мой репертуаръ давалъ блестящіе результаты во многихъ городахъ Россійской Имперіи, а иногда и выдерживалъ сезоны. И мнѣ мое крупное содержаніе платятъ охотно, какъ антрепренеры, такъ и товарищества съ пользой для себя. Гастроли мои сопровождаются крупнѣйшими сборами, что я могу доказать документально. И если въ Нижнемъ-Новгородѣ я не всегда дѣлаю полные сборы, такъ тутъ нѣтъ ничего удивительнаго — я не гастролирую, а служу цѣлый сезонъ. Въ этомъ городѣ даже такія новинки, какъ «Крамерь» и «Три сестры», поставленныя самымъ блестящимъ образомъ, при повтореніи не даютъ сборовъ. Здѣсь, въ Нижнемъ-Новгородѣ, сборы поднимаются только тогда, когда Волга устанавливается.

Мнѣ остается только извиниться передъ г. корреспондентомъ въ необходимости возстановить истину и пожалѣть, что онъ такъ близко принялъ къ сердцу поступокъ дирекціи нижегородскаго театра, выставившей на афишѣхъ мое имя и отчество, въ чемъ я не повиненъ.

Прим. и пр. М. Петипа.

М. г. г. Редакторъ! Совершенно неожиданно для меня на афишѣ «утра», устраиваемаго въ кредитномъ обществѣ г. Берновымъ, я прочла, что въ воскресенье 11-го ноября въ концертномъ отдѣленіи приму участіе и я. У меня никогда не было разговора съ г. Берновымъ объ угрѣ 11 ноября, и я не имѣю никакого желанія въ немъ участвовать.

Примите и пр. Н. Топорская.

ТЕАТРЪ ФАРСЪ.

«Ея сокровище».

Рис. М. Любимова.

Московскія письма.

Люди желают только каких-то специальных революцій, переворотовъ внѣшнихъ, политическихъ. Но все это только пустяки; прежде всего необходимо переворотъ самого ума человеческого.

Ибсенъ.

Среди нелѣпости и суетливой пустоты рядовой повседневной жизни, можетъ показаться почти насмѣшкой утверждение, что «въ сущности—мы живемъ въ великое время». Тѣмъ не менѣе, оно существуетъ, принадлежитъ очень популярному у насъ нѣмецкому писателю Гауптману и высказано въ его драмѣ «Одинокіе», устами Анны Марь. А нѣсколько дней тому назадъ въ Художественномъ театрѣ играли драму «Михаилъ Крамеръ», въ которой Гауптманъ не выражаетъ этой мысли въ опредѣленныхъ словахъ, но—можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо—даетъ ее чувствовать.

Вѣра въ силу и значеніе совершающейся на нашихъ глазахъ «революціи духа» вообще очень характерна для Гауптмана. Важнѣе всего, что она органически слѣлась съ его миро-соверпаніемъ и вотъ почему самая мрачная, какъ бы даже безысходная изъ его произведеній—въ окончательномъ впечатлѣніи наполняютъ душу бодростью, чувствомъ значительности жизни и цѣнности завоеваній человеческого духа. Жизнь, по Гауптману, мрачна и загадочна, болѣе всего загадочна, но никогда нелѣпа и безсвязна. Въ немъ нѣтъ мелкаго развѣдывающаго скептицизма повседневности: онъ можетъ страдать рядовыми страданіями рядовыхъ людей, но онъ неспособенъ выводить изъ этого чувства оцѣнку жизни. Жизнь для него—нѣчто большее, нѣчто настолько широкое, что и самая смерть—одна изъ формъ жизни и притомъ наиболѣе совершенная. Эта мысль составляетъ основу «Михаила Крамера».

Я не знаю съ чѣмъ сравнить то впечатлѣніе, которое производитъ эта драма. Когда изо дня въ день усвоивашь

произведенія искусства, гдѣ идея жизни сужена, обезцѣнена—во имя огорченій мужа, которому измѣняетъ жена, дѣвицы, которой не удается выйти замужъ, чиновника, котораго притѣсняетъ начальство, мужа, который «пунхетъ отъ голода» — «Михаилъ Крамеръ» необыкновенно освѣжаетъ душу. Точно глотокъ морознаго воздуха послѣ тѣсной и смрадной тюрьмы. «Смерть оклеветали», говоритъ Крамеръ. Если бы онъ въ концѣ концовъ не почувствовалъ въ смерти одной изъ формъ жизни—онъ сказалъ бы, что оклеветали жизнь.

На жизнь неизбежно клеветаетъ узенькій умъ человеческій, когда полагаетъ, что владеетъ какой-либо абсолютной истиной. Художникъ Крамеръ—натура сильная, грубо прямолинейная, какъ всѣ сильныя натуры—считаетъ несомнѣнными свои жизненные цѣли и эгическія цѣнности. «Работать, работать, работать надо, работать надо, Лахманъ, и безъ конца!

Гдѣ трудъ, тамъ и жизнь... единственно, знаетъ...» Крамеръ всю жизнь занимался искусствомъ, но желаетъ цѣнить одинаково всякій трудъ. «Вѣдь, оно рѣшительно все равно», говоритъ онъ. «Стань мой сынъ сапожникомъ, да настоящимъ, хорошимъ, я одинаково буду его уважать». Послѣднее мнѣніе о благотѣльности всякаго труда очень характерно. Оно придумано съ демократизаціей общества для того, чтобы служить утѣшеніемъ человѣчеству, въ массѣ принудительно подверженному нелѣпому, иссушающему труду. Самъ Крамеръ, однако, не шьетъ сапоги, а рисуетъ картины и видимо, очень тяготеетъ своимъ учительствомъ въ королевской школѣ. «Да, такъ вотъ, видите ли вы—такъ мы и прозябаемъ себѣ вдѣсь», говоритъ онъ Лахману, подписывая бумаги

«Знаете, все, все могъ бы я простить, со всѣмъ примириться, только не съ пошлостью душевной. Отъ низкихъ душонокъ претить меня». Крамеръ въ этомъ случаѣ говоритъ о своемъ сынѣ. Арнольдъ упорно противится вліянію отца, которымъ давно и всецѣло подавлены всѣ окружающіе; жена Крамера, его дочь Михалина, его бывший ученикъ художникъ Лахманъ. Арнольдъ выросъ безобразнымъ торбуномъ. Онъ ведетъ праздную, отчужденную жизнь; дома безразлично сползается изъ угла въ уголъ, куда-то исчезаетъ по ночамъ. Онъ имѣетъ смѣлость обладать настолько «низкою душонокой», что поддѣлалъ однажды подпись отца на векселяхъ, когда нуждался въ деньгахъ. Крамеръ, который «умѣлъ сразу всѣхъ пересовладать», безсиленъ передъ Арнольдомъ. «Когда отецъ начинаетъ гремѣть своими наставленіями, я просто затыкаю себѣ уши—и конецъ», говоритъ Арнольдъ матери.

«И знаете ли, у этого негодяя такой яркой талантъ, что можно сума сойти! Надъ чѣмъ нашему брату надрываться приходится, дни и ночи не спать—у него такъ, шрабочи, само выходитъ». Крамеру приходится додумать эту мысль уже у гроба Арнольда. Какъ и многое другое, чего онъ въ своемъ ослѣпленіи не могъ видѣть и чувствовать. Къ Крамеру является Лиза Беншъ, дочь содержателя ресторана, въ которомъ Арнольдъ проводитъ свои ночи—«сидитъ, какъ прилипъ къ мѣсту, да все глаза тарашитъ». Беншъ проситъ оградить ее отъ Арнольда, который ее ставитъ «въ смѣшное положеніе, выслѣживаетъ на улицѣ и пугаетъ своей возбужденностью». Крамеръ убѣждается, что его сынъ играетъ пресрѣнную роль среди «настоящихъ господъ», которые увиваются около Лизы въ ресторанѣ Беншъ. Когда въ мастерскую приходитъ Арнольдъ, Крамеръ его спрашиваетъ, гдѣ провелъ онъ послѣднюю ночь. Арнольдъ отвѣчаетъ первую ложью, полвернувшись на языкъ. Тогда Крамеръ дѣлаетъ попытку расположить къ себѣ душу сына и заставить его сказать правду. Вся красота бодрого и убѣжденнаго духа Крамера выливается въ этой прекрасной сценѣ. «Слушай, единственный разъ ты доверься мнѣ... Вотъ тебѣ рука моя. Не таись, откройся предо мной.

Ради тебя же самого, Арнольд!»—Арнольд мучительно страдает, но повторяет прежнюю ложь.

Только у гроба Арнольда, Крамеръ могъ почувствовать цѣну той правды, которой добивался. Можетъ быть, ему съ ясностью представилась маленькая ложь всѣхъ людей—ичѣмъ мельче, тѣмъ глубже оберегаемая въ глубинѣ души. Самъ Крамеръ упорно не сознается, что польщенъ вниманіемъ директора Мюринга, который приѣзжалъ смотрѣть его картину. Онъ трусливо сбережетъ то, что, въ сущности, ему очень хотѣлось сдѣлаться профессоромъ. Наконецъ, Крамеръ не въ силахъ привыкнуть себѣ самому, что если и съ полнымъ убѣжденіемъ ждалъ въ сынѣ продолжателя: «не я, такъ ты»,—то въ глубинѣ души завидовалъ, непремѣнно завидовалъ, таланту сына.

Безобразный Арнольдъ—гениальный художникъ, который это сознаетъ—сноситъ оскорбленія, готовъ убить, который за улыбку «маленькой жалкой пивной феи» Лизы Беншъ. Между тѣмъ люди, которыхъ онъ по праву презираетъ, пользуются ея благосклонностью. Природа дала Арнольду прекрасный талантъ и безобразную наружность. Онъ сознаетъ, что съ такимъ талантомъ можно завоевать миръ, но ему нужна Лиза и не дается ему—съ его наружностью. Овладевъ Лизой, Арнольдъ бросилъ бы ее мгновенно—теперь же въ ней для него соединяется вся трагедія ограниченности человѣческихъ силъ, доводящая его до самоубійства. Крамеръ напрасно полагалъ, что въ этомъ возможно признаться. Когда Арнольдъ въ задумчивости по цѣлымъ часамъ просиживалъ передъ столомъ въ ресторанѣ, какъ рассказываетъ Беншъ—онъ думалъ, навѣрное, все объ одномъ—о мучительныхъ противорѣчіяхъ, которыя происходили въ его озлобленной и тоскующей душѣ.

Арнольдъ умеръ, и внезапно вокругъ его гроба, въ тревожной тайнѣ смерти, въ таинственномъ пламени похоронныхъ свѣчей—почувствовалось вѣяніе высшей правды, все объединяющей, всепримиряющей... Всѣ эти люди, которые такъ недавно примѣняли къ Арнольду хитрую мѣрку вещей, вдругъ почувствовали, что со смертью онъ сдѣлался недостижимо великъ, а ихъ правда презрѣнно стежилась и умалилась. Крамеръ говоритъ объ этомъ, но и всѣ другіе—и Лиза Беншъ, которая тоже пришла сюда съ вѣнкомъ въ рукахъ—всѣ это чувствуютъ. Смерть какъ бы что-то освѣтила въ ихъ душахъ; Крамеръ называетъ ее «высшею формой жизни». Такіе моменты просвѣтлѣнія—самыя драгоцѣнныя завоеванія духа: они единственно способны произвести тотъ «переворотъ ума человѣческаго», о которомъ говоритъ Ибсенъ. Гауптманъ всюду предчувствуетъ наступленіе этого переворота. Дѣйствительно, «мы въ сущности живемъ въ великое время».

«Михайль Крамеръ» мнѣ кажется одной изъ лучшихъ постановокъ Художественнаго театра.

Пьеса сыграна съ необыкновенною цѣлностью, въ тонѣ строгомъ и проникновенномъ, какъ и слѣдуетъ передавать ея мистическій складъ. Всѣ лица типичны и живанены. Я увѣренъ, что врядъ-ли гдѣ-либо можно увидеть такую Лизу Беншъ, какой была г-жа Лилина и не знаю возможно-ли глубже и трогательнѣе сыграть Арнольда (г. Москвинъ). Очень хороша Михалина (г-жа Андреева); маленькія роли отъ ассесора Шнабеля до кельнера Фрица колоритны, какъ нигдѣ. Впрочемъ, въ умѣнны воспроизводить колоритъ: *настоящихъ и вѣщихъ, настоящихъ офицеровъ*—кажется, всѣ отдають должное Художественному театру. На мой взглядъ, напримѣръ, гримъ кельнера Фрица—поразительное искусство. Нужно «создать» такое тупоносое лицо, похожее на всѣхъ нѣмецкихъ кельнеровъ и не сходное ни съ однимъ. Вообще, чтобы сдѣлать то, что сдѣлалъ Художественный театръ въ «Крамерѣ» нужно имѣть очень много таланта и вкуса. А что стоитъ въ концѣ концовъ обругать его въ статейкѣ или поболтать о немъ въ фойѣ со знакомыми?

Станиславскій въ Крамерѣ напоминаетъ проповѣдника. У него было вдохновенное лицо, увѣренныя движенія и равномерно протекающая медлительная рѣчь. Его фигура поражала мощью и своеобразной красотой. Видно было, что этотъ человекъ привыкъ къ власти, къ вліянію на людей а, возвышавшій до папоса, самъ любитъ свою высоту. Тѣмъ рѣзче выдѣлялись тонкія черточки уюсти Крамера, ослѣпленнаго собой. И тѣмъ неожиданный буржуазный строй его думы, не смотря на всю идейность его стремленій, внезапно прорывался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Передъ гробомъ Арнольда, Крамеръ впервые подавленъ самъ—подавленъ смертью. Его голосъ звучалъ глухо, весь онъ сталъ какъ-то глуше и незамѣтнѣе. Это особенно поставило въ вину Станиславской. «Можетъ быть, хотѣли, чтобы онъ здѣсь выкрикивалъ свои монологи «вздѣвая руки къ небу», какъ бездарный французскій актеръ?»

Въ Новомъ театрѣ представили пьесу Дрейера «Въ глуши». Безспорно талантливое и своеобразное произведеніе было поставлено очень небрежно, странно сыграно и погублено. Въ слѣдующемъ письмѣ я напишу о томъ, какъ все это произошло.

П. Ярцевъ.

Музыкальныя замѣтки.

Первое симфоническое Собраніе Русскаго Музыкальнаго Общества состоялось 27-го октября, подъ управленіемъ тифлисскаго дирижера Н. С. Кленовскаго, приглашеннаго къ намъ на три концерта. Слѣдя примѣру г. Виноградскаго, усиленно пропагандирующаго первую симфонію Калинникова, г. Кленовскій познакомилъ насъ со второю симфоніею того же композитора. За это дирижера можно только благодарить. Русское Музыкальное Общество относится къ молодымъ русскимъ композиторамъ, особенно не принадлежащимъ къ «кучкѣ», съ надменнымъ презрѣніемъ и съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, преграждаетъ ихъ произведеніямъ доступъ въ свои концерты. Сколько есть у насъ талантливыхъ молодыхъ композиторовъ, которые лишены возможности послушать свои сочиненія въ хорошемъ исполненіи и, въ лучшемъ случаѣ, должны считать для себя за честь, когда за ихъ пропаганду берется такой сомнительный дирижеръ, какъ г. Галкинъ, который своимъ грубо-ремесленнымъ и антихудожественнымъ «истолкованіемъ» можетъ только изуродовать произведеніе, а не выдвигать его красоты.

Русское Музыкальное Общество своимъ высокомернымъ отношеніемъ къ молодымъ талантамъ оказываетъ русскому искусству дурную услугу. Молодое дарованіе нуждается въ поощреніи. Композиторъ не можетъ совершенствоваться, коль скоро онъ не въ состояніи себя провѣрить. Аудиторія возбуждаетъ творческій духъ и зажигаетъ стремленіе къ новымъ замысламъ. Музыкальныя сочиненія пишутся не для удовлетворенія личной прихоти и не для того, чтобы покоиться вѣчнымъ сномъ въ портфель автора. Потребность подѣлиться плодами своихъ вдохновеній съ публикою neodолжимая, и когда композиторъ заранѣе знаетъ, что его произведенія обречены на унылое прозябаніе, у него невольно опускаются руки, пропадаетъ охота работать, подрывается энергія и исчезаетъ жажда творчества. При такихъ условіяхъ, искусству трудно двигаться впередъ и неудивительно, что, въ настоящее время, у насъ пишутъ только «кучкисты». Только они и имѣютъ возможность себя послушать. Для этого у нихъ имѣются бѣляевскіе концерты, да и Русское Музыкальное Общество къ нимъ много милостивѣе. Но большой ли выигрышъ для русскаго искусства отъ того, что отнынѣ всѣ наши композиторы будутъ писать исключительно въ манерѣ Римскаго-Корсакова и будутъ похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды? Сомнительно. Однообразіе—вещь хорошая для дворцовыхъ гренадеръ, но безусловно вредная для искусства. Здѣсь разнообразіе первый признакъ живанности и важнѣйшее условіе внутренняго роста.

Для Калинникова, впрочемъ, Русское Музыкальное Общество сдѣлало исключеніе. Но вы знаете, почему? Потому что судьба этого молодого композитора, подававшего столь блестящія надежды и, увы, столь безвременно угасшаго отъ здѣвней чухотки, слишкомъ ужъ трагична. У мертвыхъ мы охотно признаемъ таланты. Всю жизнь художникъ вращается среди насъ, трудится и борется, и мы съ тупымъ равнодушіемъ отталкиваемъ его отъ себя, стараемся быть какъ можно болѣе глухими къ его завтѣйшимъ стремленіямъ и съ неизяснимымъ наслажденіемъ ставимъ ему препятствія, гдѣ только можемъ. Но едва смерть смежила навѣки очи—и мы сразу начинаемъ воодавать чуть ли не божескія почести тому, въ комъ еще вчера не хотѣли даже разглядѣть художественную натуру. Боже! какія восторженныя восхваленія, какія трогательныя сожалѣнія! И пусть бы эти сѣвчанка были только заповадальны. По крайности, настоящее хоть послужитъ урокомъ для будущаго. Но нѣтъ! Во всѣхъ этихъ сожалѣніяхъ нѣтъ ничего, кромѣ напускной фальши и лицемерной лжи. Не лучше ли, господи, цѣнить нашихъ художниковъ при жизни, уважать ихъ порыванія къ идеалу и посылно помогать имъ въ осуществленіи завтѣныхъ стремленій?.. Русское Музыкальное Общество, если оно не желаетъ раадѣлить печальную участь пресловутаго опернаго комитета, должно кореннымъ образомъ измѣнить свои отношенія къ молодымъ русскимъ композиторамъ и открыть свои двери для всякаго талантливаго автора, не взирая ни на какія партіи...

Вторая симфонія Калинникова свидѣтельствуетъ о несомнѣнной природной даровитости композитора. Его мелодіи дышуть свѣжестью непосредственнаго вдохновенія. Въ нихъ есть стремленіе къ ширинѣ и благородной красотѣ. Композиторскою техникою онъ владѣетъ довольно искусно. Его музыкальная палитра полна красотъ, и оркестровыми эффектами онъ распоряжается съ сознательною свободою художника. Но во всѣмъ тѣмъ, въ немъ чувствуется еще дебютацъ, робко начинающій свои первые

шаги, не успѣвшій выработать своего собственнаго языка, не уяснившій самъ себѣ художественнаго идеала. Онъ еще поетъ съ чужого голоса, явно подражая то Чайковскому, то Глинкѣ, хотя въ этихъ перепѣвахъ неизмѣнно сквозитъ индивидуальность композитора — бесспорный признакъ таланта. Существеннымъ недостаткомъ симфоніи является ея мозаичность. Изобиліе темъ, которое всегда характеризуетъ молодое дарованіе, заставляетъ композитора разбрасываться по сторонамъ. Все кажется, какъ будто овъ боится что-то недосказать, упустить какой-нибудь приѣмъ или эффектъ, и онъ съ лихорадочною суетливостью переходитъ отъ одной комбинаціи къ другой, варьируя свои темы на всевозможные лады. Эта безпрестанная смѣна темъ и настроеній подрываетъ цѣльность произведенія и придаетъ ему какой-то неустойчивый характеръ. Композиторъ, повидимому, понималъ этотъ недостатокъ своего дѣтства, потому что чрезъ всю симфонію красною нитью проводитъ онъ одну тему. Но такую чистоту механической связью нельзя создавать внутреннее единство, которое жидется только на цѣльности сокровеннаго духа, проникающаго все сочиненіе. Яркую противоположность этой мозаичности симфоніи Калинникова представляетъ исполненная подъ конецъ вечера трагическая увертюра Брамса, поражающая выдержанностью настроенія и совершенствомъ формъ. Брамсъ чуждъ болѣзненной выразительности современныхъ композиторовъ, которые не могутъ найти достаточно рѣзкихъ красокъ для изображенія душевныхъ движеній. Онъ всегда сохраняетъ благородную простоту тона и строгую пластичность классическихъ формъ, за что у насъ вошло въ обычай, не разсуждая, третировать его, какъ сухого музыкальнаго доктринера. Но это грубая ошибка. — Шуманъ былъ недалеко отъ истины, когда сразу поставилъ Брамса на недосыгаемую высоту. Только Брамсъ со своимъ классицизмомъ явился не ко двору въ нашъ романтический вѣкъ, — романтической, потому что музыка, идущая всегда позади другихъ сестеръ по искусству, еще не вышла изъ періода романтизма.

Норвежская мелодія Свендсена малозначительна по содержанию, но весьма красива и благозвучна. Исполненная г. Кленовскимъ съ тонкими отгѣнками, она была, по требованію публики, повторена.

Г. Кленовскій дирижировалъ очень хорошо. Оркестръ, подъ его управленіемъ, игралъ нюансированно и стройно.

Въ качествѣ солиста выступилъ въ этотъ вечеръ вѣнскій пианистъ, г. Розенталь. Этотъ артистъ пользуется славою одного изъ самыхъ замѣчательныхъ виртуозовъ нашего времени и о его необыкновенной техникѣ рассказываютъ чудеса. Такую репутацію г. Розенталь подтвердилъ и у насъ. Его техника дѣйствительно изумительна. Онъ преодолеваетъ „пальцеломнѣшія“ трудности съ такою легкостью и въ такомъ быстромъ темпѣ, на какія едва ли способенъ какой-либо другой изъ современныхъ пианистовъ. Ударъ его поражаетъ своею металлическою отчетанностью и пластичностью звука. Пассажи, *pedlé*, трель и особенно октавная игра не оставляютъ желать ничего лучшаго. Нельзя того же сказать о духовной сторонѣ передачи. Поэтический концертъ Шопена (с-moll) онъ сыгралъ сухо и съ чрезмѣрнымъ затягиваніемъ темповъ, хотя и съ благородствомъ стила. Въ Листовской же фантазіи на „Донъ-Жуана“ и въ собственномъ парафразѣ извѣстной пѣсни Шопена („Еслибъ по небу я птичкой летала“), кстади сказать, написанномъ замѣчательно эффектно и благодарно для рояля, онъ прямо ошеломилъ публику.

* * *

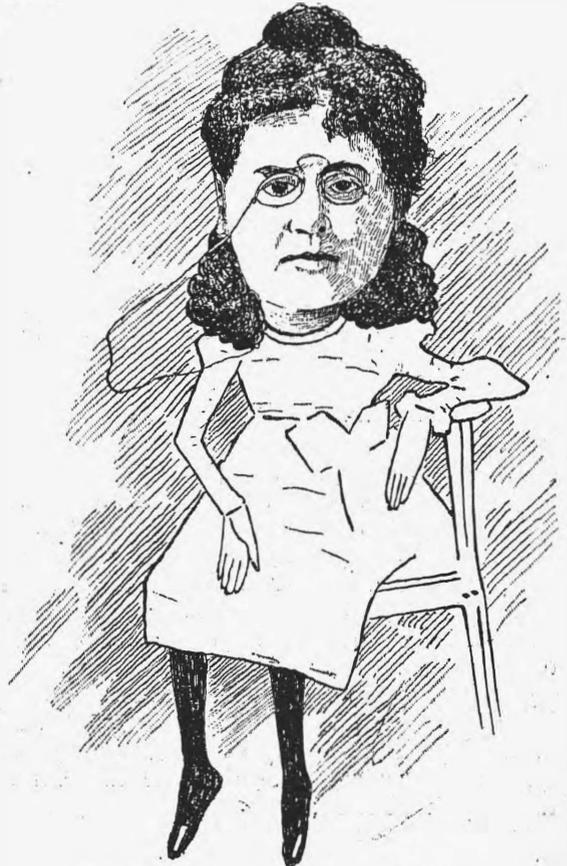
Вторая новинка сезона на Маринской сценѣ — „Царская Невѣста“ г. Римскаго-Корсакова. Опера эта давно ставится на частныхъ сценахъ и нашей публикѣ уже извѣстна, благодаря гостившимъ у насъ провинціальнымъ труппамъ. Наша образцовая сцена, которая, въ отношеніи постановки оперъ русскихъ композиторовъ, идетъ всегда позади частныхъ антрепризъ, и на этотъ разъ осталась вѣрна своему обычаю и поставила одно изъ значительныхъ произведеній выдающагося русскаго композитора лишь послѣ того, какъ опера обошла всѣ провинціальныя сцены, сдѣлавшись тамъ репертуарною. Впрочемъ, спасибо и на этомъ. Лучше поздно, чѣмъ никогда.

О самой оперѣ я уже говорилъ лѣтомъ (№ 21) по поводу постановки ея въ Аркадіи и возвращаться теперь къ ея разбору не стану. Замѣчу только, что, несмотря на мелодраматическій сюжетъ, драматизма въ оперѣ нѣтъ. Въ чемъ *коллизія* драмы? Въ чемъ заключается ошибка противоположныхъ интересовъ, которая создаетъ здѣсь драматическую борьбу? Въ томъ, что Марья, любящая Лыкова и сама имъ любимая, избирается въ царскія невѣсты. Очевидно, какъ любовь Марьи и Лыкова, съ одной стороны, такъ и избраніе Марьи въ царскія невѣсты, со всею проистекающею отсюда борьбою,

съ другой стороны, должны найти *сценическое* изображеніе и пройти предъ нами въ дѣйствиіи. Между тѣмъ, по вѣнскимъ условіямъ, моментъ избранія въ царскія невѣсты, составляющій узелъ драмы и источникъ всѣхъ перипетій, не получилъ сценическаго воспроизведенія, и о немъ узнаемъ мы только изъ разсказовъ дѣйствующихъ лицъ. Мудрено-ли, при такихъ условіяхъ, что Марья и Лыковъ являются предъ нами какими-то деревянными манекенами, неспособными насъ заинтересовать и захватить своею трагическою участію. Для прикрытія этой пустоты, присочинена параллельная драма — эпизодъ съ Любашею и Грязновымъ, который тоже любитъ Марью, но безъ взаимности съ ея стороны. Очевидно, что избраніе Марьи въ царскія невѣсты, ударившее однимъ концомъ въ Лыкова, неизбѣжно должно было другимъ концомъ задѣть и Грязнова, для сердечныхъ интересовъ котораго это избраніе создало новое и, на этотъ разъ, неодолимое препятствіе. Крупная переиѣна въ судьбѣ Марьи должна была существовать видоизмѣнить группировку интересовъ Лыкова и Грязнова и ихъ взаимныя отношенія. А между тѣмъ, по либретто Грязновъ относится къ новой роли Марьи совершенно безучастно и продолжаетъ интригу, утратившую смыслъ при измѣнившемся положеніи. Фальшиво задумана и личность Собакина. Его дочь избрана въ царцы, а онъ хнычетъ: „Съ кого они портреты эти пишутъ?“ — хочется спросить либреттиста...

Исполненіе „Царской Невѣсты“ было такимъ бѣднымъ и безцвѣтнымъ, какое только бываетъ теперь на Маринской сценѣ. Положительно, на частныхъ сценахъ исполненіе было болѣе жизненное и впечатлѣніе получалось болѣе рельефное. Г. Яковлевъ — Грязновъ игралъ крайне рутинно и однообразно. Одинъ жестъ, одна поза, одинъ крикъ.

Артистъ, видимо теряющій остатки своего нѣкогда великолѣпнаго голоса, не считаетъ даже нужнымъ маскировать вокальныя прорѣхи облудманною сценической игрою. Г. Морской (Лыковъ) былъ не въ голосѣ и оживить свою безцвѣтную роль былъ не въ силахъ. Впрочемъ, арію 3-го дѣйствія онъ повторилъ. Роль Бомелия совсѣмъ не удалась г. Кравченко. Онъ и загримировался плохо, а пѣлъ и того хуже. Г. Антоновскій (Малюта Скуратовъ) пугалъ публику своимъ ужаснымъ гримомъ и оглушалъ дикими звуками своего мощнаго голоса. Впрочемъ, создать типъ Малюты трудно, потому что онъ и въ оперѣ изображенъ фальшиво. Гораздо лучше былъ женскій персоналъ. Г-жа Вольска (Марья), хотя и не дала живеннаго образа русской красавицы, но была великолѣпна въ вокальномъ отношеніи. Ея изящное, всегда стильное пѣніе, въ соединеніи съ голосомъ прелестнаго тембра, обезпечило ей шумный успѣхъ. Обратное слѣдуетъ сказать о г-жѣ Славиной, давшей такое сценическое воплощеніе Любаше, которое только подъ силу перворазрядной артисткѣ. Въ ея изображеніи Любаша явилась замѣчательно цѣльною фигурою, высѣченною какъ бы изъ одного камня. Въ ней

Г-жа Шабельская въ роли Тото.

все неукротимая страсть и дикая рѣшимость. Каждая поаа, каждый жестъ ея полны мочучей пластики, которая такъ и просится подъ рѣзецъ скульптора. Въ вокальномъ отношеніи, партія Любаши, вообще, неудобная по тесситурѣ, для нея слишкомъ высока. Очень мила была г-жа Гладкая въ роли Сабуровой. Напрасно только она загримировалась такою молодою: вѣдь, дочь ея, Дуняша, подруга Марыи. Откуда выкопала г-жа Носилова (Дуняша) такую странную прическу?

Вѣшняя обстановка оперы — приличная, не больше. Валетъ слабъ. Русская пляска какая-то вялая, безжизненная, нехарактерная. Оркестръ, какъ всегда подъ управленіемъ г. Направника, былъ великолѣпенъ въ отношеніи нюансовъ, но темпы были взяты такіе тягучіе, которыми можно провалить любое произведеніе. Эти темпы, впрочемъ, вполне согласуются съ дряблостью и безжизненностью, царящею теперь на Маріинской сценѣ.

П. Ки—скій.

Воспоминаніе.

Я зналъ ее давно... Еще когда-то въ школѣ Мы вмѣстѣ грезили о славѣ и вѣнкахъ, И были счастливы, какъ птицы въ вольномъ полѣ, Купаясь въ вымыслахъ, надеждахъ и мечтахъ; Намъ грезились цвѣты, а громъ рукоплесканья Въ уютной комнаткѣ насъ приводилъ въ экстазъ, И были мы смѣшны, какъ дѣти, въ ночь мечтанья, И дѣтски счастливы... Я помню какъ-то разъ Весною, вечеромъ, мы роли изучали: Отелло я читалъ, Дездемону она; Три стула вѣнские сенаторами стали, А столъ на трехъ ногахъ, стоящій у окна,— Почтенный старый Дождь, и мы предъ нимъ играли. Я монологъ читалъ съ душой за монологомъ, Хоть репликъ не давалъ сонливый нашъ сенатъ, Но чутко отвѣчалъ мнѣ теплымъ діалогомъ Искусству одному служившій мой собратъ,— И вдохновлялись мы... Подъ фразами чужими Намъ слышались слова не сказанныхъ рѣчей, И что-то новое, хорошее межъ ними Звучало ласково, все тише и яснѣй. Когда-жъ Дездемона ко мнѣ на грудь припала, Забыла вдругъ слова, смутилась предо мной,— И сцена, и Шекспиръ, и все тогда пропало, Отъ новыхъ, первыхъ чувствъ, нахлынувшихъ волной!..

Мы были счастливы. Ужъ лампа догорала, И въ комнаткѣ у насъ все дѣлалось темнѣй... И въ первый разъ любовь намъ ярко освѣщала Другой, безвѣстный міръ за рампою огней.

С. Найденовъ.

ПИСЬМО.

Александра Петровна! Вы, я предполагаю, также удивлены моимъ неожиданнымъ исчезновеніемъ изъ города, какъ и Серафима. Объяснить ей причину моего отъѣзда я не могу и прошу Васъ, какъ своего лучшаго друга, косвеннымъ образомъ, не оскорбляя ея самолюбія, дать ей понять, что произошло между нами и почему это было неизбежно.

Я уѣхалъ, чтобы никогда не пріѣзжать, и никогда не видаться съ ней. Нашей свадьбы быть не можетъ. Постарайтесь, прошу Васъ, сдѣлать все, чтобы обида, нанесенная ей мною, была не такъ тягостна, не такъ чувствительна.

Черните, ругайте меня, какъ будетъ угодно Вашей душѣ, выставите самымъ посредственнымъ, жалкимъ человѣкомъ, приравняйте къ животному,— да я убѣдился и на самомъ дѣлѣ, что я животное,— чѣмъ хуже Вы охарактеризуете меня, тѣмъ ей будетъ легче пережить мой отказъ.

Я говорю не фразу, что сталъ считать себя животнымъ послѣ пережитой исторіи.

Я хожу у себя на хуторѣ какимъ-то окаменѣлымъ, деревяннымъ; работа не спорится и валится изъ рукъ, и я ничего, ни о чемъ не могу думать, какъ только объ этомъ.

Вчера на пчельникѣ я собиралъ медъ;— работа непривычная: я весь перепачкался медомъ, и пчелы искусали меня, какъ мысли—мое сердце... Я бросилъ работу и сталъ думать.—Пчельникъ—это мое любимое мѣсто на хуторѣ, гдѣ какъ-то свободно и легко мнѣ думается.

И вотъ что я надумалъ: написать Вамъ все, рассказать сначала всю исторію съ Серафимой, такъ какъ Вы знаете только ея конецъ. Мой рассказъ, можетъ быть, оправдаетъ меня предъ Вами.

Слушайте:

Я познакомился съ ней при очень оригинальныхъ условіяхъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я уѣзжалъ въ городъ и по просьбѣ одного сосѣда помѣщика взялъ на себя порученіе передать Серафимѣ лекціи профессора Чупрова по политической экономіи. Въ бѣготнѣ по городу за разными покупками, я совершенно забылъ о порученіи помѣщика, и только вечеромъ въ день отъѣзда вспомнилъ о лекціяхъ.— Пошелъ по адресу Серафимы.. Оказалось, что ея нѣтъ дома, она на любительскомъ спектаклѣ въ пользу воскресной школы, въ которомъ принимала сама участіе. Помѣщикъ просилъ передать ей лекціи только въ руки: ничего не осталось дѣлать, какъ идти самому въ театръ. Прохожу за кулисы и съ трудомъ отыскиваю ее гдѣ-то въ маленькой, грязной уборной, тускло освѣщенной двумя огарками. Вхожу въ уборную и спрашиваю:—можно видѣть Серафиму Федоровну Котельникову?—Да. Это я,— отвѣчаетъ мнѣ женщина съ лицомъ, испачканнымъ театральными красками, съ сѣдыми волосами и въ какомъ-то странномъ костюмѣ: на головѣ наколка, на плечахъ огромная, пестрая шаль, а въ рукахъ сумка и мужской дождевой зонтикъ.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на эту наряженную женщину и, помню, успѣлъ замѣтить только ея бѣлые, ровные зубы.

Она поспѣшила объяснить мнѣ, что играетъ сваху Оеклу (шла „Женитьба“ Гоголя) и просила не смущаться ея нарядомъ,—сѣсть и рассказывать ей все, что дѣлается у меня на хуторѣ. Оказалось, что она меня давно уже знаетъ, много слышала обо мнѣ, искала случая познакомиться, и сама просила помѣщика прислать со мной лекціи. Мы начали разговаривать почему-то сразу, какъ старые знакомые, обрадованные неожиданной встрѣчей и почувствовали какое-то родство душъ. Въ эту-же ночь, придя къ себѣ въ номеръ, я написалъ стихотвореніе, которое въ нашей исторіи сыграло важную роль. Вотъ оно:

Бываютъ счастливыя встрѣчи,
Но лучше встрѣчь давнихъ друзей,—
Послышутся теплыя рѣчи,
Двухъ близкихъ по духу людей...
И рѣчи тѣ льются, и льются...
Душа отдыхаетъ отъ нихъ;
И послѣ, когда разстанутся,
Все слышутъ какъ будто бы ихъ.

Объ этомъ стихотвореніи послѣ, а теперь еще нѣсколько подробностей о нашемъ первомъ свиданіи.

ни. Начался спектакль и ее позвали на сцену. Я хотѣлъ-бы уйти изъ театра, но она меня не пустила. Смотрѣть спектакль въ зрительномъ залѣ мнѣ неудобно въ своемъ обыкновенномъ рабочемъ костюмѣ, и я остался за кулисами. Во время спектакля, когда она уходила со сцены и въ антрактахъ мы съ ней продолжали бесѣдовать въ ея уединенной уборной, которую она запираетъ на крючекъ, чтобъ къ намъ никто не входилъ и не мѣшалъ. Въ этотъ вечеръ Серафима была счастлива, какъ ребенокъ въ день своего ангела, обрадованный подаренными игрушками. Спектакль, послѣ многихъ хлопотъ удался на славу: сборъ былъ полный и въ пользу воскресной школы для взрослыхъ могло отчислиться чистыхъ рублей 500—600. Какъ учительница школы, Серафима одна понимала, какъ много значатъ эти деньги для школы, сколько на нихъ можно приобрести аспидныхъ досокъ и азбукъ, и выучить читать и писать людей. Это дѣлало ее счастливой. Она мечтала вслухъ и только желала, чтобы поскорѣе кончился-бъ спектакль: ей было противно общество любителей драматическаго искусства и она принимала участіе въ спектаклѣ только потому, что никто не соглашался изъ любительницъ играть старуху, и спектакль откладывался день за днемъ, между тѣмъ, школы такъ нужны были деньги.

Какъ-то незамѣтно пролетѣли за кулисами 2—3 часа; мы успѣли въ это время переговорить обо всемъ и сдѣлаться друзьями. „Женитьба“ была сыграна.

Серафима ушла одѣваться, и вышла ко мнѣ изъ уборной въ зимней кофточкѣ съ поднятымъ барашковымъ воротникомъ и подъ черной густой вуалью. Мы вышли изъ театра и пошли бродить по городу.

Славная была эта ночь! Снѣжинки искрились въ воздухѣ и, какъ бабочки, кружились около уличныхъ фонарей въ желтомъ кругѣ свѣта керосиновыхъ лампъ. Городъ спалъ.

Чистый, только что съ неба опустившійся, снѣгъ приятно поскрипывалъ подъ нашими ногами и усыпалъ нашъ путь серебристой парчей, мы шли по ней и оставляли первые слѣды.

Здоровое, бодрящее настроеніе овладѣвало нами, и страстно хотѣлось жить, и чего-то еще, чему нѣтъ названья. Мы говорили и сливались духомъ. Между нами свершался духовный бракъ. Небо смотрѣло на насъ милліонами звѣздъ и, какъ поется въ одной опереткѣ, „звѣзды вѣнчали насъ“. Славная это была ночь... Если еще бываютъ на землѣ такіа ночи—стоитъ жить.

Поздно разошлись мы по домамъ.

Я не спалъ въ эту ночь. Написалъ ей небольшое письмо, въ которомъ просилъ переслать мнѣ на хуторъ интересующія меня книги и, между прочимъ, написалъ уже извѣстное вамъ стихотвореніе.

Утромъ я послалъ письмо по городской почтѣ, а самъ уѣхалъ.

Этимъ письмомъ началась у насъ переписка. Какое милое, какое чудное было это время! Зимой, въ глуши, занесенный снѣгомъ въ маленькомъ домикѣ, я жилъ полною, горячею жизнью, я писалъ ей длинныя трактаты на разныя философскія и социальныя темы, исписывалъ по двѣнадцати листовъ почтовой бумаги, читалъ только для того, чтобъ собрать матеріалъ для писемъ, и, кажется, жилъ только для того, чтобъ писать ей, ждать и получать отъ нея такіа-же огромныя и интересныя письма. Кажется я только въ эту зиму научился писать, приобрѣлъ навыкъ и страстную привычку. Теперь, когда уже не къ кому писать, меня такъ кто-то и

толкаетъ къ письменному столу и я, кажется, разрѣшусь скоро какой-нибудь повѣстью. Теперь вы знаете мою слабость и поймете, почему такъ длинно и растянуто это письмо.—Я люблю писать и мнѣ хочется писать.

Моя переписка съ Серафимой почти исключительно на отвлеченныя темы продолжалась два мѣсяца. Къ новому году мы заговорили другимъ языкомъ. Она первая написала мнѣ, что будетъ встрѣчать новый годъ съ именемъ Алексѣя на устахъ,—и, между прочимъ, въ этомъ-же письмѣ высказала свое желаніе жить постоянно въ деревнѣ и быть сельской учительницей.

Я, не задумываясь, послѣ этого письма, сдѣлалъ ей предложеніе и съ этихъ поръ мы уже стали писать на „ты“, какъ женихъ и невеста. Мы захлебывались въ письмахъ отъ счастья. Они уже не были такъ длинны, какъ раньше, но писались чаще, почти каждый день и все ихъ содержаніе сводилось къ выраженію желанія поскорѣе увидать другъ друга и начать новую жизнь вдвоемъ.

Осуществить это желаніе мѣшала несчастный Федулъ. (Вы его знаете, мой другъ). Онъ доживалъ свои послѣдніе дни и оставилъ его одного на хуторѣ, положившись на свою бабу служанку, я никакъ не могъ. Серафима просила меня тоже этого не дѣлать. Онъ умеръ двадцатого числа; я не знаю, какъ я пережилъ-бы его смерть, еслибы у меня не было Серафимы. Я хоронилъ Федула одинъ на нашемъ жалкомъ крестьянскомъ кладбищѣ.

Грустныя это были похороны... Онъ такъ ждалъ весны, теплаго солнца и зеленой земли, которую любилъ больше всего на свѣтѣ, и земля проглотила его, и теперь гдѣ-то далеко въ нѣдрахъ ея тлѣютъ его кости. Федулъ много зналъ, изъ него могъ-бы выйти большой ученый, еслибы онъ не попалъ ко мнѣ жить, и осенью не залѣзъ въ воду ловить бревна проклятой прорвавшейся плотины...

Лучше не вспоминать,—это слишкомъ тяжело...

Н—овъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Харьковскія письма.

VII.

Рутинѣ до сихъ поръ царитъ на нашихъ провинціальныхъ сценахъ. Рутинѣ во всемъ; и въ постановкѣ, и въ выборѣ пьесъ, и въ методѣ разработки и воплощенія образовъ и характеровъ, и въ распредѣленіи ролей и даже въ непремѣнномъ появленіи артистовъ на «новыхъ» мѣстахъ въ ихъ «коронныхъ» роляхъ... Иногда говорятъ, что это де «традиція», а не рутинѣ, мертвящая, давящая все живое и новое, всякую смѣлую мысль и оригинальную пріемовъ... При безпорядочной и сильной работѣ провинціальныхъ труппъ, даже самыхъ лучшихъ, нѣтъ возможности, нѣтъ времени соблюдать требованія истинной художественности. Гдѣ ужъ Слава Богу, если и въ большой труппѣ, и съ бесспорными талантами, дѣло наладится такъ, что есть «приличный» ансамбль, т. е. роли знаютъ, одѣты безъ несуразностей историческихъ или бытовыхъ, нѣтъ паузъ и оплошностей при выходахъ. Однако, и тамъ, гдѣ можно, не такъ чтобъ ужъ очень отъсвѣжуетъ отъ вѣка, художественное руководство совершенно отсутствуетъ. Истина эта, правда, достаточно старая, но гнетъ рутинѣ сильнѣе чувствуется теперь, съ появленіемъ новыхъ пьесъ, когда старыя формы и принципы оказываются не всегда приложимыми... Кое гдѣ въ провинціи и теперь уже можно наблюдать работу дѣятелей, порывающихся связи съ рутинѣ, стремленія ихъ стали шире и полнѣе,—работа оцѣнивается и успѣхъ растетъ все замѣтнѣе и замѣтнѣе.

Эти мысли о рутинѣ особенно назойливо лѣзли мнѣ въ голову, когда я смотрѣлъ въ исполненіи нашей труппы двѣ новинки нашего сезона—«Три сестры» Чехова и «Замѣстительницъ» Бріе, въ переводѣ г. Гнѣдича. Обѣ пьесы разграни были именно «гладко» и съ оживленіемъ, но меня лично это мало удовлетворило. При иныхъ условіяхъ налич-

ныя силы теперешней нашей группы могли бы дать болѣе совершенное и интересное воплощеніе чеховскихъ образовъ и настроеній. Почти каждый исполнитель оставался въ предѣлахъ того круга, за который, очевидно, не рисковалъ переступить. Согласованія, гармоніи въ исполненіи не было. За исключеніемъ трехъ сестеръ и отчасти Тузенбаха и Чебутыкина, никто и не попытался дать не свойственную ему индивидуальность,—всѣ оставались болѣе или менѣе сами собой, добросовѣстно лишь произнося слова Чеховскаго текста. Три сестры въ лицѣ г-жъ Милитч, Строевой-Сокольской и Иртеневой дали образы Чеховскіе; онѣ были почти безупречны—и еслибъ г-жа Строева-Сокольская рѣзче отгнѣла живость и нѣкоторую экспансивность натуры Маши, а г-жа Иртенева еще мягче и нѣжнѣе вела бы роль Ирины, названные артистки дали бы очень интересное трио. Конечно, тутъ большое подспорье для исполнительницъ ихъ внѣшнія данныя и различіе индивидуальности, каждой изъ нихъ—рѣдко подыскать такое соотвѣтствіе того и другого съ замысломъ автора. Г. Лепковскій играетъ Вершинина какимъ то хладнокровнымъ, резонирующимъ болтуномъ, который, то здѣсь говоритъ, то пойдеть въ другое мѣсто и тамъ тоже говоритъ, заведеть на этой стоянкѣ одну интрижку, а на другой заведеть новую... Не было ни капли мечтательности, ничего идеальнаго,—такъ, самый обыкновенный подполковникъ, съ большой рыжеватой бородой, безъ изящества и даже особой благовоспитанности, о которой говорится въ пьесѣ. Слабъ совсѣмъ г. Карамазовъ (Андрей),—одной теплотой тона роль эту не проведешь; ему надо было бы играть Тузенбаха, для совершеннаго воплощенія котораго онъ обладаетъ всѣми данными. Г. Борисовъ въ роли злосчастнаго педагога успѣшилъ, по моему, чрезвычайно важную подробность, чисто психологическую; мужъ Маши только говоритъ, что онъ всѣмъ доволенъ и счастливъ. И Кулыгинъ—тоже несчастливъ и тоже страдаетъ. Вспомните его послѣднюю сцену въ IV актѣ, послѣ ухода Вершинина. Конечно, и здѣсь г. Борисовъ имѣлъ самый завидный внѣшній успѣхъ,—его каждая фраза вызвала искренней и общей смѣхъ... Фигуры Соленого, Федотика и др. лишены типичности и даже шаржированы въ исполненіи артистовъ, которымъ они поручены. Изъ няньки у г-жи Виноградовой не вышло ничего яркаго, а Наташа въ исполненіи г-жи Галицкой чрезчуръ бурлива и чрезчуръ нарочито вульгарна: она «мѣшанка» въ сравненіи съ барышнями Прозоровыми, получившими *видиокопсея* воспитаніе, но не мѣшанка по званію... Въ постановкѣ «Трехъ сестеръ» *мало жизни*,—такъ бы я опредѣлилъ ту непопуготу, которая лишаетъ пьесу колоритности. Кстати, знаменитое «трамъ-тамъ» напрасно Маша и Вершининъ произносятъ близко подходя другъ къ другу... Неопытно также, почему *синаль* въ третьемъ актѣ раздается не изъ-за окна (разумѣется, что Вершининъ въ саду), а изъ-за внутреннихъ дверей... Пьеса прошла пока четыре раза при хорошихъ сборахъ,—первый былъ даже съ «аншлагомъ». «Замѣстительницы» сыграны въ общемъ удовлетворительно; ихъ поставили два раза. Лазарета въ лицѣ г-жи Строевой-Сокольской нашла типичную исполнительницу, артисткѣ этой не чуждъ бытовое тѣнь и юморъ,—послѣдній ярко сказанъ у нея въ послѣднемъ актѣ,—но драму съ М-те Жанъ надо вести не такъ ужъ шумно и визгливо... Оно вышло немножко вродѣ извѣстной сцены изъ «Мадамъ Анго». Г. Павленко прекрасно ведетъ роль Планшо, онъ вѣрнѣе замыслу автора даже въ мелочахъ,—чего ужъ никакъ нельзя сказать о г. Глюске-Добровольскомъ—старикѣ Планшо. Артистъ не далъ даже намека на «крѣпость» этого типичнаго французскаго крестьянина и походилъ всецѣло на нѣмца, хвораго и дряхлаго, въ плисовыхъ шарпачахъ и туфляхъ, съ колачкомъ на головѣ. Хорошо читалъ свои благодарные монологи г. Лепковскій-Ришонъ, но стилиной фигуры стараго патриота онъ не далъ,—передъ нами былъ добродушный, рыхлый старичекъ: а вмѣсто живого и вертляваго парижскаго доктора Тирелля, г. Дара-Владиміровъ показали намъ еще разъ шаблоннаго хлыща, медленно роняющаго слова, какого-то расслабленнаго и равнодушнаго рамоли. Очень мило ведетъ г-жа Иртенева роль матери.

Въ оперѣ не прекращается притокъ свѣжихъ силъ. Дебюты и дебюты, даже иногда ихъ по два за одинъ спектакль! Поставятъ, случится, одну оперу очень хорошо, безупречно даже, а затѣмъ нѣсколько спектаклей проходитъ съ удручающей небрежностью, вызывая ярко выражаемое неудовольствіе и въ публикѣ, и въ печати. Изъ наличнаго состава пѣвицъ мы не знаемъ ни одной, кто бы могъ исполнить партіи драматическаго сопрано,—нельзя же считать г-жу Деветъ за таковое. Повезло на mezzo-сопрано, но контрольно нѣтъ ни одного, а баритонъ остается все одинъ—г. Боначичъ, который легко можетъ надорвать свой красивый молодой голосъ. Вотъ г-жа Ванъ-деръ 'Брантъ замѣтно переутюмила себя, выступая часто и безъ перерыва для отдыха. Г-жи Поллова и Чашина очень милыя и музыкальныя пѣвицы, но пока это эмбріоны, изъ которыхъ, быть можетъ, современемъ и выйдутъ хорошия артистки.

I. Тауритовъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

САРАТОВЪ. Омѣтимъ три новыя для саратовцевъ пьесы. Самая важная—«Подъ колесомъ» г. Жданова. Слухи объ успѣхахъ ея въ Петербургѣ дошли до нашей публики и театръ наполнился сверху до низу. Черезъ нѣсколько дней пьесу повторили. Центральная женская роль находится въ распоряженіи г-жи Шебуевой, у которой для Оладиной все есть: бытовая тѣнь, драматическая сила, искреннее проникновеніе ролью. Безусловно, Оладина станетъ одною изъ лучшихъ ролей въ репертуарѣ артистки, въ родѣ Матрены изъ «Власти тѣмы», въ которой г-жа Шебуева едва-ли имѣетъ соперницъ. Г. Строитель въ тоже можетъ поставить Зыкова въ разрядъ ролей, исполняемыхъ безупречно. Его игра—жизнь въ подлинномъ видѣ. Вообще, это прекрасный и, главное, удивительно разнообразный актеръ. Очень недурна г-жа Михаленко въ Стенѣ, г. Яновъ въ Николаѣ и г-жа Славатинская въ Зинаидѣ; и хорошо играетъ г. Неждановъ мошенника «себѣ на умѣ», Рябинушкина. Изъ женскихъ ролей, кромѣ Оладиной, лучше другихъ сыграла Анфиса Зыкова—г-жей Рахмановой. Насчетъ второстепенныхъ ролей слѣдовало-бы высказать нѣсколько пожеланій ради нищаго ансамбля, но есть условія непоправимыя, а другія ужъ поздно исправлять. Пьеса просмотрѣна со вниманіемъ; въ кулуарахъ нашего театра она вызвала разговоры и различныя замѣчанія. Важнымъ замѣчаніемъ по адресу автора нужно признать относительно длиноты драмы; онъ въ самомъ дѣлѣ утомителенъ.—Понравилась публикѣ «Арріа и Мессалина». Любопытный историческій моментъ, который взялъ авторомъ для разработки, удачная скомпановка въ сценическомъ отношеніи, хорошо очерченные характеры—дали въ результатѣ очень интересную пьесу. Исполненіе ея на нашей сценѣ сопровождалось большими матерьяльными затратами; обстановка, декорации и костюмы блистали новизной. Заглавныя роли играютъ г-жи Шебуева и Рахманова. Обѣ артистки много потрудились надъ ролями, но достигли различнаго успѣха. Г-жѣ Рахмановой какъ-то не удалась знаменитая Мессалина. Если хотите, въ игрѣ была очень искусная поддѣлка страсти и теплоты въ лирическихъ мѣстахъ, но, видимо, г-жа Рахманова не прониклась и не вдохновилась измѣнчивыми настроеніями Мессалины. Очень хороша Арріа—г-жа Шебуева. Непреклонную волю, доходящую до безпопуготности, твердый характеръ, не считающийся съ препятствіями, глубокое чувство долга—изображеніе артисткой выдержанно и сильно. Лишь въ сценѣ отравленія Марка чувствовалось излишество драматизма, а попросту говоря,—ненужный рѣзкій крикъ. Съ должнымъ темпераментомъ играетъ г. Аркадьевъ Марка и вызываетъ громкіе апплодисменты; и образцово держится въ Нарцисѣ г. Цоплавскій. Въ общемъ, пьеса идетъ съ рѣдкимъ успѣхомъ.—Не удалась одна новостъ—«Униженные и оскорбленные». Плохая поддѣлка. Скучно и неразумно г-жа Ильинская обошлась съ романомъ Достоевскаго...

Въ нѣкоторомъ отношеніи выдающимися спектаклями были «Идиотъ» и «Ошибки молодости». Первая вещь интересовала публику потому, что въ былое время, при покойномъ Дольскомъ въ Мышкинѣ и г. Каширинѣ въ Рогожинѣ эта передѣлка считалась боевой пьесой. На этотъ разъ популярный «Идиотъ» прошелъ слабо. Г. Аркадьевъ съ Мышкинымъ остался въ тѣни, а это значитъ, что половина пьесы пропала. Неважно играли и другіе, за исключеніемъ гг. Строителя и Михаленко. Первый—Рогожинъ, второй—Фердыщенко. Въ «Ошибкахъ молодости», черезъ полтора мѣсяца послѣ неудачнаго дебюта, выступила г-жа Писарева-Звѣздичъ (княгиня Рѣзцова). Доброжелатели густо апплодировали при самомъ выходѣ г-жи Звѣздичъ. Но игра не оправдала этихъ «заванѣе обдуманныхъ намѣреній» утвердить за реставрированной дебютанткой мѣстѣ, какъ за интересной актрисой. Игра слабая, полулюбительская, скомканная и какая-то случайная.

Начались бенефисы. Г. Аркадьевъ поставилъ «Доходное мѣсто» и, какъ говорятъ (я на спектаклѣ не былъ), съ успѣхомъ игралъ Жадова. Г-жа Арди-Свѣтлова повторила «Орленка». Бенефициантовъ радушно принимали; они этого заслуживаютъ.

Финансовыя дѣла дирекціи г. Собольщикова значительно поправляются: сборы хорошия.

Постолный.

КОСТРОМА. Съ 29 сентября начала свою дѣятельность труппа подъ управл. Д. А. Бѣльскаго (третьй сезонъ) и до сегодняшняго числа дано было 19 спектаклей. Давали: «Мужъ знаменитости», «Маргарита Готье», «Въ старе годы», «Послѣдняя воля», «Древняя Москва», «Замѣстительницы», «Генералша Матрена», «Темный боръ», «Марія Стюартъ», «На бойкомъ мѣстѣ», «Сибирскій Риголетто», «Варооломеевская ночь», «По гривенничку за рубль» (2 раза), «Измаилъ», «Нефтяной фронтанъ», «Три сестры». Составъ труппы великъ количественно для скромнаго костромскаго театра.

Первые два спектакля «Мужъ знаменитости», и «Маргарита Готье», поставленные, очевидно, спѣшно—произвели на публику мало благоприятное впечатлѣніе. Причина неудачи, кромѣ видимой поспѣшности постановки спектаклей, лежала

также въ плохомъ исполненіи г. Сабурова, выступившаго въ роляхъ Пропорьева и Арманз. Дювала. Большой ошибкой было со стороны дирекціи поручать такія отвѣтственныя роли столь слабому артисту. Этими двумя спектаклями было подорвано довѣріе къ новой группѣ, и публика справедливо негодовала. Съ удаленіемъ Сабурова (по требованію, какъ слышно, театральной комиссіи), фонды группы поднялись, рядъ удачныхъ спектаклей («Въ старые годы», «Темный боръ», «Замѣстительницы») далъ развернуться артистамъ, они сыгрались, и теперь спектакли идутъ съ довольно приличнымъ ансамблемъ безъ шероховатостей. Сборы, упавшіе въ началѣ мѣсяца, теперь значительно поднялись и второй полумѣсяцъ, по сборамъ, оказался гораздо лучшимъ, чѣмъ въ прошломъ году за это же время.

Нельзя не отмѣтить симпатичнаго и весьма практическаго начала—это еженедѣльные по пятницамъ, общедоступные спектакли по удешевленнымъ цѣнамъ, идущіе при переполненномъ театрѣ.

По воскресеньямъ, на утренніе спектакли г. Бѣльскій, вотъ ужъ три раза подъ-рядъ, давалъ бѣднѣйшимъ воспитанникамъ городскихъ школъ бесплатные билеты. До сихъ поръ пошло театръ безплатно 850 воспитанниковъ обоего пола. Изъ исполнителей отмѣтимъ г-жу Кутузову, Украинцеву, Елагину, Грузинскую и Дмитріеву, гг. Глѣбова, Тиханова, Бернатовича, Вѣрина, и Буйнова. Было бы несправедливо не упомянуть о двухъ не менѣе способныхъ исполнителяхъ характерныхъ ролей г-жѣ Аненковой и г. Николаевѣ.

РОСТОВЪ-НА-ДОНУ. Какъ и слѣдовало ожидать, пустоцвѣтная опера г. Салтыкова отцвѣла, не успѣвши разцвѣсть. Лишь первое представленіе дало полный сборъ. Далѣе дѣла начали чахнуть и для поправленія дѣла г. Салтыковъ, давъ почти при пустомъ театрѣ нѣсколько оперъ, перекочевалъ въ Таганрогъ, уступивъ на недѣлю мѣсто драмѣ Струйскаго. Ростовская публика вдохнула, утомленная оперой и накинута на драму. Чистенькій и скромный ансамбль г. Струйскаго сразу завоевалъ симпатіи ростовскихъ театраловъ. Впрочемъ, эта драматическая группа, кромѣ сыгранности, имѣетъ и дарованія, какъ напр. сильно драматическая героиня, актриса г-жа Пальчикова, талантливый комикъ Мартыновъ и прекрасный... антрепренеръ г. Струйскій. Остальные артисты группы, (какъ Цвеленевъ, Свободина, Польша и др.) какъ говорится, ансамбля не портятъ. Одно жаль, выборъ пьесъ совсѣмъ не дѣлаетъ чести, такому опытному режиссеру, какъ Струйскій и кромѣ Чеховскихъ «Трехъ сестеръ», можно думать, что этотъ антрепренеръ, понятно honoris causa, подражался рекламировать старье. Вѣдь можно-же было, помимо «Арканзавыхъ», «Цѣпей», «Измаила» и «Темнаго бора», выбрать для ростовской публики и менѣе скучное и ходульное. Жаль, во всякомъ случаѣ, что давно жданная и прибывшая въ Ростовъ лишь на нѣсколько спектаклей, вполне приличная группа г. Струйскаго не позаботилась выбрать для ростовцевъ болѣе содержательныхъ пьесъ. Съ 19-го октября группа г. Струйскаго снова дробится на Таганрогъ и Нахичевань. Г. Салтыковъ принялъ, кажется, энергичныя мѣры къ улучшенію состава оперной группы. Такъ предполагается пѣть московскій теноръ г. Иноземцевъ. Какъ на завоевавшихъ симпатіи ростовцевъ нельзя не указать на г-жу Тиманину (сопрано) и прекраснаго баритона Гладкова. Спектакли начинаются вердиевскимъ Баломъ-маскарадомъ.

Ивинъ.

КИЕВЪ. Опереточная группа С. Н. Новикова, играющая въ театрѣ «Бергонье» пользуется большими симпатіями киевлянъ. Соловцовъ несетъ убытки, сборы падаютъ и доходятъ порою до ничтожной цифры, оперетка-же даетъ около 1000 р. на кругъ. Группа г. Новикова образцовая. Группа пробудетъ въ Киевѣ до 22 декабря. Изъ новинокъ шли: «Женское Царство», «Бѣдныя овечки» и опера-буффъ Оффенбаха «Сказки Гофмана» (въ бенефисъ Н. Н. Вергиной-Мотылевой). Дѣла желѣзнодорожнаго театра по прежнему хороши. Спектакли идутъ гладко.

Въ «Народномъ театрѣ» на Подолѣ, гдѣ играетъ группа подъ управленіемъ А. А. Прейса-Александрова до сего времени шли: «Измаилъ», «Наполеонъ I въ Россіи», «На маневрахъ», «Сорванецъ», «Злая яма» и т. п. Изъ женскаго персонала можно отмѣтить г-жѣ Романскую и Юрьеву.

Дѣла группы Л. А. Карамзина плохи. Группа почти распалась и рѣшила гастролировать. Большой дефицитъ несетъ малорусская группа Лукашевича въ театрѣ Коммерческаго. Собранія. Публики бываетъ горсточка.

ОРЕНБУРГЪ. Открытіе театрального сезона въ нынѣшнемъ году состоялось 1 октября. Шель «Джентльменъ», и въ заключеніе «Въ погоню за прекрасной Еленой». Наголовавшаяся публика (за лѣто не было никакихъ развлеченій) устремилась въ кассу театра, и за три дня до спектакля былъ вывѣшенъ уже аншлагъ «билетовъ нѣтъ». «Джентльменъ» въ провинціи не производитъ такого впечатлѣнія, какъ въ столицѣ, и многіе разочаровывались въ спектакль. Вслѣдъ за этимъ были поставлены «Татьяна Рѣпина», «Замѣстительницы», «Нишіе духомъ», «Безправная», «Урліэль Акоста», «Преступленіе» и друг.

Антрепренеромъ театра состоитъ по прежнему А. М. Каррали-Торцовъ, которымъ и сформирована слѣдующая группа: Женскій персоналъ: А. В. Анненская, К. И. Асенкова, М. А. Борисоглѣбская, Н. Ф. Вольская, М. И. Воробьева, А. Ф. Корицъ, А. А. Ленская, А. Н. Мирская, О. Н. Ольгина, П. А. Пашутина, А. К. Распопова, О. И. Раевская, Ю. Ю. Салавская-Владаркевичъ и Е. Г. Таланова.

Мужской персоналъ: С. В. Бирюковъ, Ф. К. Вольскій, А. Е. Востоковъ, В. Д. Дамаровъ, Н. А. Извольскій, А. М. Каррали-Торцовъ, Л. И. Лазаревъ, К. К. Мавринъ, М. А. Постниковъ, А. Л. Разинъ, А. С. Славскій, Н. И. Тихоновъ, А. Д. Угрюмовъ и С. И. Черновъ. Изъ этой группы Каррали-Торцовъ, Ольгина, Борисоглѣбская и Извольскій извѣстны публикѣ по прошлому сезону.

14 октября состоялось открытіе народнаго театра драмой Островскаго «Безприданница». Въ народномъ театрѣ играютъ любители и только на роли первыхъ любовниковъ приглашены артисты Л. А. Ростовскій. Спектакли въ городскомъ театрѣ даются четыре раза въ недѣлю, въ народномъ же по праздникамъ.

Ив. Р.

БѢЖЕЦКЪ. Г. Черновъ заѣхалъ къ намъ на 1 спектакль и взялъ около 400 руб. Поставлена была «Санъ-Женъ». Спектакль прошелъ относительно гладко, хотя все же нужно было найти другую «Королеву итальянскую». Г. Матусинъ, съ своими малороссами, прогостилъ здѣсь двѣ недѣли и уѣхалъ не безъ прибыли. Цѣны на мѣста были очень дороги. Въ маленькой группѣ г. Матусина настоящихъ-то малороссовъ одинъ-два и обчелся. Группа уѣхала въ г. Кашинъ, а такъ называемый «пѣвучій любовникъ» г. К. остался въ Бѣжецкѣ и поступилъ «по винополю». Кажется, что хорошо слѣлалъ.

Слово Бѣлозерова.

СИМБИРСКЪ. Мы слышали, что г. Витарскій предполагаетъ войти съ предложеніемъ въ мѣстный городскій попечительскій о народнѣй трезвости комитетъ о постановкѣ исключительно народныхъ спектаклей по крайне удешевленнымъ цѣнамъ отъ 5 коп. и ставить эти спектакли въ театрѣ. Нельзя не пожелать ему въ этомъ благомъ дѣлѣ полного успѣха.

Въ группѣ успѣхомъ пользуются: г-жи Арцыбашева, Лапцоданилевская, Дормансъ; гг. Витарскій, Польша, Колосовскій-Гриневъ. Съ открытія сезона шли по нѣсколько разъ: «Бѣшенныя деньги», «Горѣ отъ ума» (обшедот. спектакль), «Таланты и поклонники», «Старый закалъ», «Безъ вины виноваты» (обш. спект.); анонсированы: «Романтики», «Рабыни веселья» и др.

ЧЕРКАССЫ. 8-го сентября въ театрѣ И. Ярового начались спектакли русско-малорусскихъ артистовъ дирекціи И. В. Черномора-Любимова подъ режиссерствомъ П. Ф. Васильковскаго. Для открытія сезона пошелъ фарсъ «Нюбея» и двухактная комедія «На Пескахъ». Въ фарсѣ въ заглавной роли выступила г-жа Снѣжина, которая была больше похожа на гимназистку, отвѣчающую урокъ. Остальные исполнители, начиная Пупырьковымъ (г. Васильковскимъ), были «внѣ всякой конкуренціи». Такой же участи подверглась и комедія «На Пескахъ».

Подвизавшееся въ циркѣ товарищество малорусскихъ артистовъ, подъ управленіемъ Пронскаго, закончило на-дняхъ свои спектакли. Въ числѣ другихъ пьесъ были поставлены также: «Малка Шварценкопфъ», которая вызвала скандалъ, и «Рабыни веселья». Послѣднія пьеса рекламировалась изобрѣтательнымъ товариществомъ слѣдующимъ образомъ: «Простая г-жа училась, въ виду крайняго реализма пьесы, спектакля не можетъ спать».

К. А. Ганъ.

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ,

съ 5-го ноября по 11-ое ноября 1901 года.

Александринскій театръ. 5-10 ноября. «Сонъ въ лѣтнюю ночь».—6-10 ноября. Юбилейный спектакль по поводу 25-ти лѣтней литературной дѣятельности И. В. Шпажинскаго: «Чародѣйка», тр.—7-10 ноября. «Золото».—8-10 ноября. «Сонъ въ лѣтнюю ночь».—10-10 ноября. «Чародѣйка». 11-10 утромъ: «Сонъ въ лѣтнюю ночь». (Цѣны мѣстамъ уменьшенныя). Вечеромъ: «Въ отвѣтъ», пьеса.

Михайловскій театръ. 5-10 ноября. «Безприданница».—6-10 ноября. «La main gauche».—«Les amis».—7-10 ноября. «Мишуря».—8-10 ноября. «La main gauche».—«Les amis».—9-10 ноября. «Золото».—10-10 ноября. Bénéfice de m^r Brouette: «La dame de chez Maxim».—11-10 ноября. Утромъ: спектакль для учащейся молодежи: «L'avare», com. (Цѣны мѣстамъ уменьшенныя). Вечеромъ: «La dame de chez Maxim», com.

Марининскій театръ. 5-10 ноября. «Царская невѣста».—6-10 ноября, бенефисъ капелмейстера г. Крушевскаго за 25 лѣтнюю службу: «Отелло», оп.—7-10 ноября. «Жизель».—«Кемчужина».—8-10 ноября. «Самсонъ и Даліла».—9-10 ноября. «Опричникъ».—11-10 ноября. «Царская невѣста», оп. Вечеромъ: «Синяя борода».

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

1896

ФОРТЕПИАННАЯ ФАБРИКА

Ф. МЮЛЬБАХЪ

Существ. съ 1856 г.

С.-Петербургъ, Офицерская, 3.

РОЯЛИ отъ 550 р.
 ПИАНИНО отъ 450 р.

Фирма получила на разн. междунар. выставкахъ 16 медалей, въ томъ числѣ
 10 золотыхъ. 4421 1—1

Иллюстрированный прейсъ-курантъ **БЕЗПЛАТНО.**
 Подъ артист. руковод. своб. художн. Э. Я. Длусскаго.

ТРИКОТАЖНО - ЧУ

Поставщицы Императорскихъ

ЛОЧНАЯ ФАБРИКА

С.-Петербургскихъ Театровъ.

№ 4402.

Л. ДОВОЛЮДСКОЙ.

С.-Петербургъ, уг. Можайской ул. и Мало-Царскоосельскаго просп., д. № 40—4.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ТРИКО.

МАЛЬЦЪ-ЭКСТРАКТЪ

и леденцы фабрики

= „ДЕЛИВА“ =

въ Варшавѣ, ул. Згода, № 5, существуетъ съ 1884 г.

Продаются въ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ. Остерегаться поддѣлокъ.
 № 4420. 10—1.

Театръ „ФАРСЪ“.

(ЗДАНИЕ ПАССАЖА, Невскій, 48. В. Итальянская, 19. Главный подъездъ съ
 В. Итальянской ул.) Телефонъ № 2779.

Дирекція: А. М. Горинь - Горяиновъ и В. А. Казанскій.

Репертуаръ съ 4-го Ноября по 10-е Ноября.

Воскресенье, 4-го Ноября: 1) въ 1-й разъ, „Влюбленный генераль“ (графиня Дада),
 В. Протопопова (заимствовано); 2) въ 10-й разъ, „Столичное просвѣщеніе“. Поне-
 дѣльникъ, 5-го: Бенѣфисъ Е. И. Варламовой, два новыхъ фарса: 1) „Танъ всѣ дѣ-
 ляютъ“, фарсъ въ 3 д., пер. съ франц. X.; 2) Принцъ Чу-Гьфу-Чанъ, фарсъ въ 4 д.,
 перед. съ нѣмецк.; 3) Дивертиссементъ при участіи въ 1-й разъ г-жи Вештау,
 г-жи Варламовой и г. Каменскаго. Вторникъ, 6-го: 1) „Влюбленный генераль“ (Гра-
 финя Дада); 2) „М-ше Коралли и Ко“. Среда, 7-го: Полное повтореніе бенѣфиса
 Е. И. Варламовой: 1) во 2-й разъ „Танъ всѣ дѣлаютъ“, фарсъ въ 3 д., пер. съ
 фр. X.; 2) во 2-й разъ Принцъ Чу-Гьфу-Чанъ, фарсъ въ 4 д., перед. съ нѣм.; 3) Ди-
 вертиссементъ. Четвергъ, 8-го: 1) въ 1-й разъ по воз. оригинальный фарсъ въ
 3 д. В. Холостова, „Милый юноша“; 2) „Ея сокровище“. Пятница, 9-го: „Танъ всѣ
 дѣлаютъ“; 2) „Столичное просвѣщеніе“. Суббота, 10-го: „Милый юноша“; 2) въ 13-й
 разъ, „Ея сокровище“.

Начало спектаклей въ 8 ч. вечера.

Репертуаръ составленъ предположительно и можетъ быть измѣненъ по неза-
 висящимъ отъ Дирекціи обстоятельствамъ.Вилеты на всѣ объявленные по репертуару спектакли можно получать еже-
 дневно въ кассѣ театра съ 10 ч. утра.Вилеты, заказанные по телефону, сохраняются до 7½ ч. веч., послѣ чего по-
 ступаютъ въ общую продажу.

Главный администраторъ А. И. Ивановъ.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 3 Ноября 1901 г.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
М. Г. ЮЭЛЬСОНЪ,
 Принимаетъ ежедневно отъ 11 до
 9 ч. веч.
 Лечение. Пломбированіе.
 Удаленіе и вставленіе
 искусственныхъ зубовъ.
 Вознесенскій пр., д. 21, кв. 8.
 Помощь постоянная.

ЛУЧШІЙ
 ЦВѢТОЧНЫЙ
 О-ДЕ-КОЛОНЪ

№4711

РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ

ПРЕВОСХОДНЫЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЕ
 И ДЕШЕВЫЕ ДУХИ ДЛЯ ПЛАТКОВЪ
 ВСѢХЪ ЦВѢТОЧНЫХЪ
 И МОДНЫХЪ ЗАПАХОВЪ

№ 4397 5—1.

КАРАМЕЛЬ
 изъ травъ отъ кашля
„КЕТТИ БОССЪ“
 В. Семадени, въ Кіевѣ.
 Главн. складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕН-
 ЦЕЛЯ, С.-Петербургъ, Гороховая 33.
 Цѣна металл. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.
 Продается всадм.
 4419 13—1

КИШИНЕВЪ.

Театръ Благороднаго Собранія въ луч-
 шей части города, прекрасно отдѣланъ
 и устроенъ, съ 22-го Декабря сего года
 по Великій постъ приглашаетъ рус-
 скую оперетку.

ПЛАТА ЗА ТЕАТРЪ 50 РУБЛЕЙ.

Полный сборъ при среднихъ цѣнахъ
 900 руб. Въ Январѣ съѣздъ дворянъ и
 выборы. Условія въ дирекціи Собранія.

№ 4416 4—4

Типографія Спб. Т-ва „Трудъ“, Фонтанка, 86.

I.

ГИМНЪ ВЕНЕРЫ.

Изъ новой оперы С.-Санса „Варвары“.

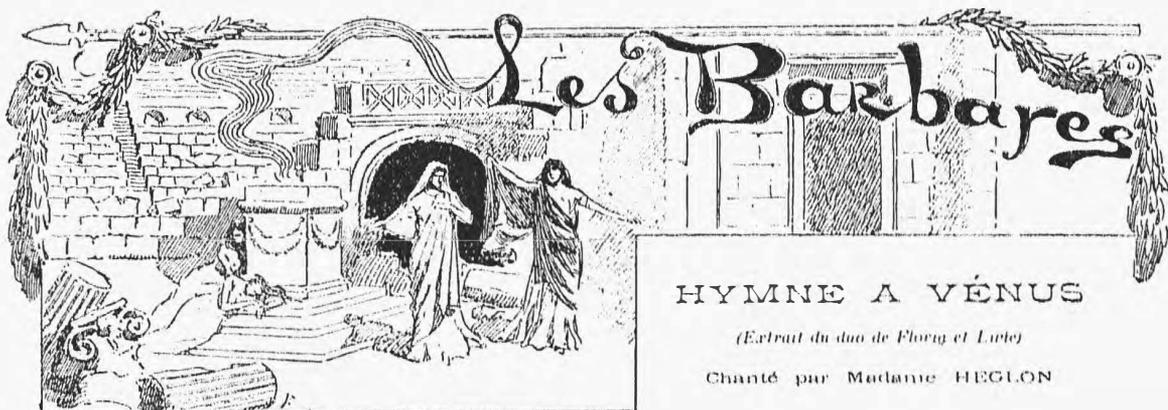

II.

„А СЧАСТЬЯ НѢТЬ“.

Романсъ Э. Длускаго.

Tragédie lyrique en trois actes de
V. SARDOU et P. CHEUSI

Acte II, scène première

Musique de
C. SAINT-SAËNS.

Andantino *dolce*

CHANT

Vé . nus ——— qui peut bri .

Andantino *p*

PIANO

Ped *

— ser comme un roseau — la for — ce. La vo — lon — té, la vertu. la fier.

— té; — Vénus ——— par qui la fleur sort de la rude é — cor — ce.

Et l'amour germe au cœur du conquérant dompté; Vénus

qui fait s'unir les cœurs, les mains, les bouches, Et verser des

lar-mes farouches Aux vierges en émoi qu'étreint sa voracité

-té!

Посвящается
ИВАНУ ИВАНОВИЧУ НИКИТИНУ.

„А СЧАСТЬЯ НѢТЪ!“

Слова МЕРЕЖКОВСКАГО.

Муз. Э. ДЛУСКАГО.

Con moto e appassionato.

PIANO.

The first system of the piano introduction consists of two staves. The right hand plays a series of chords and moving lines, while the left hand provides a rhythmic accompaniment with eighth notes. The key signature has two sharps (F# and C#), and the time signature is 3/8.

rubato

The second system continues the piano introduction. It features more complex chordal textures and melodic lines in both hands, maintaining the 3/8 time signature.

Lento. *p*

Подъ ку - полонъ бов. страотно мол. ча -

rit.

The vocal entry begins with a single note on a bass staff, followed by a melodic line. The piano accompaniment starts with a series of chords in the right hand and a rhythmic pattern in the left hand. The tempo is marked 'Lento' and the dynamics are 'p' (piano) and 'rit.' (ritardando).

ли - вымъ Свя - тыхъ но-бооъ, гдѣ все ла-вуръ и

The second system of the vocal and piano accompaniment. The vocal line continues with the lyrics, and the piano accompaniment provides harmonic support with chords and moving lines.

dolce

овтъ — Намъ ка жет - ся, что мож - но бытъ счаст - ли - вымъ

Con moto. mf

А, счастья ибтъ! А, счастья ибтъ! А, счастья

p

ибтъ!... А, счастья ибтъ!...

pp *Tranquillo.*

Мы каж - до - е мгно - вень - о у - ми -

ра - оть Но все ввучить та - иствен.ный • - бѣтъ...

И до кон - ца мы вѣ - римъ и жо - ла - омъ...

Appassionato.

А, счастья нѣтъ! А, счастья нѣтъ!.. А, счастья нѣтъ!...

p А, счастья нѣтъ!....
rit.

Tranquillo.

Сво-ю по-чаль бо-им-ся мы и-мѣ-рить о-пред.

чу-ствіемъ но о-тразнимъхъ бѣдъ, — И по-хотимъ, и не должны мы

allargando

вѣ-рять, что счастье - и нѣтъ, что счастье

rit.

нѣтъ..

Дополнено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Ноября 1901 года.

ТИП. СПЕ. У-ВА ПЕЧ. И ИЛД. ДЪЛА „ТРУДЪ“.